

330133

СОВЕТСКАЯ
ЖЕНЩИНА -
морская сила

ГАЗЕТНО-КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ОБКОМА ВКП (б)
САРАТОВ ————— 1942 г.

В сборнике помещены напечатанные
в газетах и журналах статьи, очерки,
стихи о героизме советских женщин
на фронтах отечественной войны и
о трудовом героизме в тылу.

330133

Величие духа советской женщины

Нет такой силы, которая могла бы сломить дух советской женщины. Это знает наш народ. Это знают воины Красной Армии, и поэтому они гордятся своими матерями, женами, сестрами, невестами. Это знает весь мир, восхищающийся стойкостью, величием духа советских патриоток, в тылу и на фронте приближающих день полной победы над гитлеровскими ордами.

Мать провожает сына на фронт и, скрывая от него слезы, благословляет воина на ратные подвиги. Жена, проводив в Красную Армию мужа, отдает себя беззаветному труду, зная, что своим трудом она помогает стране, народу, своему близкому человеку быстрее одолеть врага.

Бывают трудные дни, неизбежные в условиях войны, но не могут они сломить и не сломят духа советской женщины, готовой на самопожертвование, на любые лишения, лишь бы отстоять свободу своей родины, счастье своих детей, то высокое положение в стране, на которое ее выдвинула советская власть, партия Ленина — Сталина.

Все ли граждане Советского Союза, все ли наши бойцы и командиры, все ли наши городские и сельские женщины знают о величии духа советской патриотки Дуси Ивановой, дочери ленинградского рабочего! Ей принесли изуродованную мертвую голову горячо любимого брата. Тела бойца так и не нашли. Молодая женщина похоронила эту дорогую ей голову под тополем, а потом осушила слезы и пошла бить немцев. И как она здорово их била! Дорого заплатили звери за голову ее брата. Когда Дуся Иванова попала в лапы фашистов, ее пытали, выжгли на ее теле пятиконечные звезды, скребницей сдирали ее кожу. Молчала гордая дочь советского народа!

— Баба-комиссар! — взвизгнул фашистский офицер.

Он назвал ее комиссаром, он знал, что наши комиссары — пример стойкости, отваги, бесстрашия. Теперь этот гитлеровский выродок сам узнал, что мужество советских комиссаров сродни и простым советским женщинам.

— Баба-комиссар! — прохрипел фашистский разбойник.

— Да! — гордо ответила советская женщина, — да, да!

Таким гордым комиссаром, непоколебимым борцом можно быть и далеко от фронта, и в самом глубоком тылу. Разве не борцами за советскую родину, за человеческое счастье, разве не отважными комиссарами, не соратниками фронтовиков являются наши женщины, заменившие своих мужей в шахтах, на паровозах, на

заводах, на полях? Как мужественно переносят они все тяжести, которые легли на их женские плечи в дни отечественной войны! Женщины Ленинграда переносят с величайшей стойкостью лишения осажденного города, героически работают под бомбежкой и артиллерийским обстрелом, отдают свою кровь раненым бойцам. Им тяжело, но они полны решимости довести борьбу до конца; ненависть, неугасимая ненависть к врагу горит в их глазах.

Разве не борец за советскую родину, за человеческое счастье скромная жительница города Токмака Киргизской ССР Ольга Филипповна Фролова? Вся наша страна знает о героической смерти 28 гвардейцев из дивизии имени генерала Панфилова. У каждого из двадцати восьми остались семьи, близкие женщины — мать, жена, невеста, дочь...

Ольга Филипповна — жена Ивана Добробабина, одного из погибших героев. Тяжелое горе пришло в дом. Нетрудно представить, как похолодело сердце Ольги Филипповны, когда она слушала по радио, читала в газете о смерти бесконечно дорогого ей человека. И вот недавно почта принесла в «Правду» маленький конверт. В нем лежало письмо вдовы героя. Читайте строки этого волнующего человеческого документа, раскрывающего душевную силу наших советских женщин:

«...Мне очень тяжела утрата мужа, но я знаю, знаю, что война требует жертв. За смерть своего мужа я отомщу кровожадным гитлеровским разбойникам. Узнав, что мой муж погиб, я поступила на курсы красных сестер, по окончании которых пойду на фронт. Мое место там, где сражался мой муж Иван Евстафьевич Добробабин. Я призываю всех честных граждан нашей страны не щадить своей жизни и сил в борьбе с германским фашизмом...»

Так говорит вдова-патриотка. И скажет такой женщине вся наша красная гвардия: «Спасибо тебе, Ольга Филипповна! Твое гражданское мужество ведет нас вперед, в атаку, на разгром подлой фашистской клики!»

А вот так говорит советская мать-патриотка:

«Дивизионному комиссару Западного фронта от Захаровой Р. М.—матери погибшего бойца в числе героев-лыжников Владимира Захарова.

Всего лишь несколько дней назад я узнала о героической гибели своего старшего сына Владимира. Не ожидая призыва в армию, по первому зову вождя, он пошел служить родине добровольцем. Шлю проклятие фашистским разбойникам, пусть они будут прокляты за кровь наших сыновей. Я горжусь своим сыном Володей, он честно выполнил долг перед родиной. Благодарю командование части, в которой был мой сын, они воспитали в нем стойкого большевика-патриота. Моя материнская просьба ко всем бойцам и командирам — бить врага так, как били их ваши боевые друзья. Мстите за их кровь, за наши слезы и за нас, матерей».

Прекрасное, благородное письмо!

Слава вам, сильные духом советские матери! Слава вам, жен-

щины-героини! Ваша душевная твердость потрясает до глубины сердца весь советский народ и ведет к победам нашу Красную Армию. С какой радостью читают ваши бодрые письма фронтовики! Теплее становится в окопах, согревается душа, уходит усталость. Еще тверже сжимает боец винтовку, штурвал самолета, еще решительнее ведет на врага танк. Еще сильнее клокочет в сердце советского воина ненависть к своре фашистских палачей.

За счастье таких женщин можно пойти в огонь и воду,—говорит он.

С такими женщинами нельзя не победить,—говорит советский воин.

Он сражается не на жизнь, а на смерть. Он побеждает. Он победит!

(Передовая «Правды» от 7 апреля 1942 года).

Матери, жены, невесты, дочери, сестры!

Начинаются решающие битвы с кровавым немецким фашизмом. Час гибели злодея Адольфа Гитлера и его клики близок. Сорвана маска с гитлеровской банды. Это — убийцы, воры, авантюристы, развратники, политические лжецы. Это — злейшие враги женщин и детей всего земного шара. Это — враги мирной жизни на земле.

Бесконечен список преступлений немецкой армии, беспримерны ее злодеяния. В городах и селах Белоруссии, Украины, Крыма немецкие оккупанты подвергают женщин невиданному позору и поруганиям. На невольничий рынок в Германию насильно угоняют многие тысячи женщин и девушек. На оккупированной земле немецкий фашизм возрождает крепостнические порядки, пытается превратить в рабынь свободных женщин Советского Союза.

Немецкие изверги пытаются наших детей, расстреливают и казнят малолетних. Сегодня они это делают на Киевщине, в Минске, в Полтаве. Завтра они попытаются сделать это в Лондоне и Нью-Йорке, Стокгольме и Монтевидео, если мы этому не помешаем.

Женщины! Десять месяцев великой освободительной войны советского народа с фашистской Германией развеяли сказку, сочиненную гитлеровскими лакеями, о непобедимости немецкой армии. Чужая гибель, гитлеровцы бешено сопротивляются. Они идут

на все, на любые злодеяния и подлости, но это их предсмертная агония. Иссякают людские резервы Германии. На исходе их запасы нефти и сырья. Немецкий народ обескровлен войной. Еще нагло хвастаются и будут хвастаться оголтелые шайки гитлеровских холоуев, но немецкий народ стал догадываться, что он одурачен Гитлером. В рядах немецких войск начинается разложение, уныние охватывает немецкий тыл.

А Советский Союз, его Красная Армия и тыл за эти месяцы войны стали крепче, сильнее, организованнее, опытнее. Наши людские резервы неисчерпаемы. Оружия у нас стало больше, а ненависть к фашистским злодеям хорошо отточила это оружие! Мы — на пути к победе!

Против немецкого фашизма объединились все свободолюбивые народы мира. Их взоры с надеждой обращены к Советскому Союзу. В первой колонне свободолюбивых народов идут такие могучие страны, как Великобритания и Соединенные Штаты Америки.

Восемь месяцев назад — 7 сентября 1941 года на своем первом антифашистском митинге советские женщины обратились к женщинам всего мира с призывом объединиться в единый антифашистский фронт.

Мы поклялись тогда отдать все силы на разгром немецкого фашизма, отнявшего у миллионов мужчин — жизнь, у детей — детство, у молодежи — радость жизни, у женщин — семью и мирный труд, у стариков — покой.

Клятва советской женщины не осталась словами. За эти месяцы мы еще и еще раз поняли, а гитлеровцы почувствовали на своей шкуре, какая огромная сила — женщины.

Дни освободительной войны родили подлинных героинь русского народа, женщин и девушек — богатырей. Партизанки Зоя Космодемьянская, Лиза Чайкина, Антонина Петрова, борясь в тылу врага за честь родины, обессмертили своими подвигами не только себя, но всех советских женщин.

Женщины Ленинграда и Севастополя — пример патриотизма, стойкости и бесстрашия. Придет час, и летописцы опишут их великие героические дела.

Миллионы женщин Советского Союза доказали свое мужество, выносливость, стойкость, презрение к смерти и волю к победе. Миллионы советских женщин, не щадя своей жизни, отстаивали, отстаивают и будут отстаивать плечом к плечу с мужчинами свои родные города и села от наглой орды немецких захватчиков. Все женщины Советского Союза теперь стали бойцами, все ополчились против озверелого фашизма.

Кто строил баррикады, когда бешеная фашистская орда рвалась к подступам Москвы, к Ленинграду, к Севастополю? Женщины! Кто копал противотанковые рвы? Женщины! Кто несет вахты на улицах, на крышах домов во время налетов фашистских стервятников? Женщины! Дочь Ленинграда Евгения Журавлева в часы вражеских налетов бросалась в пламя и обожженными ру-

ками выносила десятки пострадавших, совсем не знакомых ей людей. Дочь Севастополя штамповщица Анастасия Чаус работала у ставка под разрывы бомб. В одну из бомбардировок Чаус потеряла руку. Но, едва оправившись, она снова встала к станку и сейчас выполняет три—пять норм в смену. Участница севастопольской обороны Нина Оцилова уложила из пулемета свыше 500 фашистов. Аня Панченко вынесла с поля боя двести раненых бойцов. Девушка-машинист паровоза Соболева, раненная, не покинула своего поста: «Где я стою, там мой фронт»,—говорит она.

Таких героинь у нас тысячи!

Женщины всего мира, дорогие подруги! Фронт — не только там, где гремят выстрелы. Наши советские женщины проявили себя и в тылу, как настоящие бойцы.

Сегодня нам по плечу любая профессия, — заявили советские женщины. Они успешно заменили мужчин — шахтеров, металлургов, лесорубов, трактористов, председателей колхозов. На полях, на заводах, на паровозах, у нефтяных вышек, в шахтах, в научных лабораториях, на речных судах, на золотых приисках, — везде наши женщины заменяют мужчин и работают по-фронтовому. В Кузбассе 1.100 женщин спустились в шахты. Геолог Князева открывает новую нефть. Академик Лина Штерн борется с шоком и заставляет работать ослабевшее сердце.

Сегодня нам мало выполнять норму, — заявили советские женщины, — фронт ждет. Сегодня мы должны выполнять две—три—четыре нормы в смену. Отряды женщин—новаторов производства, благодаря своим смелым рационализаторским дерзаниям выполняют семь—восемь и даже десять норм в смену, а уральская электрообмотчица Раиса Кыштымова стала выполнять тридцать норм в смену. Шушинская девушка трактористка Эно Сарыева дает три нормы в день.

Русские, украинки, армянки, грузинки, белоруски, эстонки, таджички — женщины всех национальностей Советского Союза стоят на своих боевых постах. Перед лицом врага наш многонациональный народ един, как никогда.

Народный Комиссар Обороны товарищ Сталин 1 мая дал приказ Красной Армии — «добиться того, чтобы 1942 год стал годом окончательного разгрома немецко-фашистских войск и освобождения советской земли от гитлеровских мерзавцев!».

Эта великая и благородная задача, поставленная перед Красной Армией, подняла и вдохновила весь советский народ на новые трудовые и боевые подвиги.

Женщины всего мира! Мы, советские женщины, собравшись на антифашистский митинг в Москве, заявляем, что первомайский приказ нашего великого вождя мы считаем боевым приказом не только для Красной Армии, но и для всей многомиллионной армии женщин Советского Союза.

Перед лицом женщин всего мира мы заявляем, что вместе с Красной Армией и Военно-Морским Флотом пойдем в наступление

на врага и мы — советские женщины всех возрастов, всех национальностей, всех профессий. Одни из нас примут непосредственное участие в битвах, и не дрогнет их женская рука. Другие будут наступать на врага у своих станков и на полях. Те, кто временно попал под фашистское иго, днем и ночью будут уничтожать гитлеровских мерзавцев, где только можно и чем только можно.

Женщины Советского Союза — огромная сила. Но какой же гигантской силой могут быть женщины всего земного шара! Разве мужество женщины, ее самоотверженный труд, ее умение не склонять голову перед тяжестями и горем, которые принесла война, не смертоносное оружие для врага! Разве зарвавшаяся гитлеровская свора не боится гнева матерей всего мира!

Женщины Англии, Америки и всех свободолюбивых стран! Теперь, как никогда, нужны наши совместные действия, чтобы общими усилиями покончить в 1942 году с коричневой чумой. Мы зовем вас примкнуть к нашим рядам в час решающих битв с кровавым гитлеризмом. Помните, что на полях наших сражений решается и ваше будущее.

Кто хочет мирной жизни — пусть помогает войне с фашизмом. Кто хочет счастья своим детям — пусть уничтожает детоубийц.

Больше самолетов, танков, пушек! Больше бомб и снарядов на голову гитлеровского чудовища, которое хочет сожрать всю Европу, весь мир.

Женщины оккупированных германскими фашистами стран! Берите в руки винтовки и гранаты. Час, когда спадут позорные оковы с ваших родных городов и сел, близок. Если хотите, чтобы этот час освобождения пробил завтра, делайте сегодня то, что делают партизанки временно захваченных немцами советских районов. Вредите гитлеровским злодеям на каждом шагу! Взрывайте немецкие склады, железнодорожные пути, рвите связь, тормозите работу фабрик и заводов, на которых хозяйничают немцы. Спротивляйтесь фашистскому грабежу. Не пускайте своих отцов, мужей, сыновей в гитлеровскую грабьярмию.

Женщины Германии! Разве вам не ясно, что ждет завтра Германию, если сегодня останется у ее руля преступник Гитлер? Боритесь за свержение авантюристической клики Гитлера—Геринга! Задерживайте отправку воинских эшелонов на фронт, саботируйте военное производство!

Женщины всего мира! Вперед, на окончательный разгром гитлеровской банды в 1942 году! Кто ждет победы — пусть помогает победе. Победа сама не приходит, ее надо завоевать!

Крепите единый антифашистский фронт женщин всего мира!

(Принято на митинге женщин—участниц
отечественной войны — в Москве 10 мая 1942 года)

Героини
героята

Было начало августа. В памятные те знойные дни армия отходила на восток по широким украинским просторам. Горели деревни и хутора. Густой рыжий дым полз по хатам, по плетням, прижимался к стройным тополям и взлохмаченными кусками уходил в небо. По балкам, оврагам, сквозь сухие, пожелтевшие пролески, мимо посадок в обход хуторам, крадучись, шли измученные долгим маршем бойцы.

Так шла пехотная часть в районе Кировограда. Ее отход прикрывала батарея, у которой оставалось три красноармейца, младший сержант Гаврилов и младший политрук Дуся Иванова. Решено было отбиваться до последнего снаряда, до последнего патрона в карабине и четырех винтовках. Люди к вечеру устали, движения их стали расслабленны. Последние снаряды со свистом ушли в ночную тьму и через несколько секунд грохнулись и вспыхнули голубым огнем на большой проселочной дороге. Пошел дождь. Стало тихо. Артиллеристы засели у орудий и ждали машину, которую командир части обещал прислать. Иванова уничтожила все документы, и лишь первый листок партийного билета спрятала в резинки реибуз. В эту тяжелую минуту вспомнила она свой боевой путь. Свежи еще в памяти были бои на Украине, в дни отступлений, когда она, кадровый артиллерист Красной Армии, политрук батареи, громила немцев.

Наконец, машина пришла. Предстоял трудный путь. Справа и слева появились огоньки и послышались очереди пулемета. Немцы на мотоциклах осторожно двигались по обочинам размытой профилированной дороги и беспорядочно стреляли. Вдруг грузовик заскрипел колесами, дрогнул и остановился. Шофер включил свет, и две ярких белых ленты упали на землю. Стало отчетливо видно: разбросав ноги, в грязи лежал человек. Иванова выпрыгнула из кузова, подошла к свету и осторожно толкнула ногой лежащего на дороге. Ей казалось, что это был труп бойца, но человек застонал. Тогда Дуся нагнулась и увидела, что это был ее муж, капитан артиллерии Михаил Иванов, тяжело раненный в грудь и руку. Свет фар был замечен немцами, и они, как голодные волки, рыскавшие по Украине в эту темную дождливую ночь, бросились к машине, окружили батарейцев, ударами прикладов и штыками убили капитана и схватили Дусю Иванову.

Вечером ее привезли в хату, втолкнули в освещенную комнату и быстро сорвали с головы мешок. Перед глазами была большая чистая комната, на стенах повисли пустые рамы, на окнах стояли разбитые гипсовые фигуры, валялись какие-то книги, тетради, в углу мерно бились ходики. Прямо перед ней, за столом с бе-

лой скатертью, сидел тучный человек в генеральской форме с эполетами, аксельбантами, нарукавными знаками и свастикой. На столе лежали наган, пистолет и пачки советских и немецких денег. Слева от генерала сгрудилось несколько немецких офицеров. Все молчали. Евдокия Иванова взглянула на генерала и, заметив над его головой на стене стеклянную табличку «заместитель председателя сельсовета», засмеялась.

— Смирно! — по-русски крикнул один из офицеров, подбежал и ударил Дусю по лицу. Она стояла перед ним в полной военной форме: в гимнастерке, брюках и сапогах. На рукаве горела красная звезда младшего политрука, на воротнике были знаки различия, а на груди, на красной ленточке, висела серебряная медаль «За отвагу».

— Баба-комиссар, — прохрипел офицер.

— Да, — ответила Дуся.

— Где партийный билет?

— Нету!

— Где ваши части?

— Не скажу, — ответила женщина.

И тогда послышались бранные слова, угрозы петлей, расстрелом, пытками. Генерал кричал, стучал кулаком по столу, вскакивал, затем, тяжело дыша, вновь садился на стул. В комнату внесли и положили на стол лезвия для бритвы, гвозди, топор, перочинный нож, скребницу.

— Ну, будешь говорить?

И тогда Дуся Иванова, дочь питерского рабочего, начала говорить.

Она говорила о своем отце, убитом в семнадцатом году под Петроградом и похороненном в ряду борцов за честь и свободу на Марсовом поле, говорила о своих братьях, выросших на Выборгской стороне и погибших в дыму войны.

— Недавно мне принесли обезображенную голову, оторванную у брата, — продолжала она. — Тело его так и не нашли. Он погиб в бою с вами. Голову я похоронила близ Белой Церкви, в селе Подолы, под украинским тополем, и долго плакала. Это был мой последний брат.

Ей не дали договорить, связали руки, ноги и подвесили к старому ржавому крюку, который торчал в потолке и был, видимо, предназначен для большой тяжелой лампы. Ее долго били шомполами, били ногами, кулаками, плевали в лицо.

Очнулась она в погребе. На следующий день Дусю вновь привели к генералу, вновь допрашивали, издевались, выжгли на теле две пятиконечные звезды, ударили ножом в грудь, в бок, скребницей сдирали кожу, ставили на раскаленный круг железа.

Генералу надоело смотреть на это зрелище, и он приказал:

— Отправить ее на виселицу.

Когда Дуся выходила из комнаты, генерал выстрелил ей в спину. Это был акт слабости. Звери, наряженные в аксельбанты, увешанные орденами, носящие на своих фуражках гербы герман-

ской армии, издевались над оголенной, измученной русской женщиной, не понимая того, что она их победила своей гражданской гордостью, непоруганной совестью, прямою, волей.

Иванову повели на казнь. На улице стояла лунная августовская ночь. Горели крайние хаты села, тянуло дымом, и слышен был ровный гул самолетов и разрывы бомб. Солдат торопливо взялся за веревку, и в это мгновение послышался нарастающий свист бомбы, мелькнул огонь, раздался страшный грохот и, вздыбилась земля. Солдат упал, видимо, убитый осколком, а офицера отбросило воздушной волной в сторону.

Дуся пришла в себя через несколько минут. Она лежала под плетнем в пыли у небольшого деревца. Кругом было тихо, вдали в лунном свете виднелись контуры виселицы и спущенная до земли петля, а сзади в голубом сиянии ночи безмолвно стояли украинские мазанки, тополи, кудрявая листва садов. Огни во всем селе были погашены. На улицах ни души.

Полуживая женщина, напрягая последние свои силы, ползком по огородам, по пустым дворам, под собачий лай пробралась на самый край села в какую-то балку и там уснула.

Это было в селе Шевченко. Утром ее увидела колхозница Марфа Семенова. Она шла по воду к ручью и заметила седую израненную женщину, лежащую на косогоре. Дуся дышала тяжело. Тогда колхозница дала ей воды, затем вынесла сарафан в цветочках, черный платок, кофту и вместе с бабушкой Акулиной привела Дусю в избу. Бабка суетилась, причитала, положила на раны столетник, а к сожженным ногам привязала тряпки с подсолнечным маслом и луком. Три дня Дуся Иванова пролежала на печке, а ночью старик запряг свою лошадежку и отвез Дусю за 25 километров в лес и сказал:

— Иди, родимая, вон туда прямехонько. Как раз к нашим попадешь. — Затем добавил: — Гляди в оба.

...Помнятся горячие дни сентября на Днестре, когда батальон капитана Чистова смелым рывком бросился на крутой вал острова Хортица и вел жестокие бои на песчаных его склонах.

Именно в эти минуты здесь, в дыму и огне сражения, появилась Дуся Иванова, только что вырвавшаяся из плена, измученная и израненная. Она переправляла бойцов через Днепр на яликах, подносила снаряды, стреляла, выносила раненых и вновь шла к огню. В этот день она получила ранение в ногу...

С тех пор прошло пять месяцев. Дуся лечилась в Грузии, на курорте Боржоме, поправилась, отдохнула, и вот снова мы ее видели на фронте. Сквозь огонь, через звериное логово немецкого генерала, сквозь пытки, мучения, страдания младший политрук Евдокья Иванова пронесла листок своего партийного билета и предъявила его своей партии, своей армии, своей родине. Она вновь ходит в защитной гимнастике с красной звездой на рукаве и спешит в часть.

М. МЕРЖАНОВ

Циркредитель

ТАНКОВ

Это—ее неоконченное письмо. Оно адресовано родине:

«Украина моя, Украина! Мать моя любимая. Единственная в мире. Ты лелеяла нас, ты баловала нас, ты дарила нам лучшие свои блага, ты ничего не жалела для нас. Но нет блага, равного той любви, которой ты окружала нас с детства. И я, дочь твоя, дочь украинского народа, клянусь тебе священной памятью нашего великого кобзаря, памятью всех погибших сестер и братьев, что буду мстить жестоко, беспощадно, каждой каплей своей крови. Если вражеский снаряд оторвет мне руку, я буду биться одной рукой. Если я лишусь ног, я подберусь ползком к звериному стаду и буду разить его гранатой. Если мне выбьют очи, я увижу врага глазами сердца и не промахнусь...»

Подруга ее, санитарка Клава Лехкошерсть, хранит это письмо в левом кармане гимнастерки, у сердца, вместе с комсомольским билетом и с этим четверостишием, написанным Любой, которое поют все ее товарищи:

«Подпускай, товарищ, танк поближе,
В метрах ста огонь по нем открой.
Метко бей, момент удачный выждав,
И победа будет за тобой».

Люба Земская была рядовым гвардейцем в подразделении противотанковых ружей. В боевой биографии комсомолки Любы Земской это уже вторая война. Война с белофиннами была ее первым крещением. С тех пор внешне у Любы ничего не изменилось. Только упорства в характере больше, любовь к своей родине стала сильнее. Люба не захотела быть санинструктором, она считала, что может для родины сделать больше, и просила комиссара зачислить ее в подразделение противотанковых ружей.

Настойчиво училась Люба стрелять из противотанкового ружья. Это дело требует железной выдержки, настойчивости, хладнокровия и бесстрашия.

В учебе, в работе—во всем ей помогал ее муж, старший сержант Тимофей Голубенко. Эта молодая, полная сил и энергии пара прошла вместе недолгую, но полную творческого взлета жизнь. Вместе они воспитывались в детском доме, вместе учились в техникуме, вместе промили белофиннов, и теперь, в борьбе с немецким фашизмом, они были также неразлучны.

Командир взвода старший сержант Голубенко ложился у ружья рядом с гвардейцем Земской и показывал, как надо целиться, как определять результаты своей стрельбы, менять огневые позиции.

С помощью командира-друга у Любы нашлось все: и железная выдержка, и хладнокровие, и бесстрашие, и уменье.

...Издали домики казались игрушечными, разбросанными в разные стороны по глубокой дугообразной долине небольшой реки. Это — село П. Еще вчера здесь были немцы. Всюду видны их кровавые следы. Дымятся крестьянские хаты, одиноко торчат обгоревшие трубы печей. Село П. — выгодный рубеж; и немцы рещили любой ценой снова вернуть это село.

Атака началась на рассвете. Впереди немецкой пехоты двигались 5 танков. Наше подразделение заняло оборону. У большой осины расположился расчет противотанкового ружья: первым номером — сержант Маслов, вторым — Люба Земская. Расчет ждал спокойно.

Расстояние сокращалось. Люба подала патрон. Маслов, щелкнув затвором, стал прицеливаться. Внезапно он приподнялся и вдруг, согнувшись, упал. Люба легла за ружье.

Танки двигались вперед. Вихрем взрывая снежную пелену, они извергали огненный шквал пулеметного и орудийного огня.

Люба различает дула пулеметов. Еще несколько секунд — и она даст первый выстрел, он будет расплатой за все: за гибель товарища, за слезы подруг, за весь родной Харьков, который лежал перед ней в нескольких десятках километров.

Танки приблизились на 150 метров. Тверже ложится рука Любы на спусковой крючок. Как эхо гремят один за другим три выстрела. Головной танк покачулся, подался назад и остановился. Языки пламени охватили его. Люба переносит огонь на другую машину. Трижды нажимает она спусковой рычаг — и второй танк, как и первый, задымился, запылал, загремел разрывами оставшихся в башне снарядов.

К вечеру противник возобновил контратаки. Впереди шли снова танки. Люба действовала теперь с сержантом Андреевым. Зорко следил командир за танками. Андреев прицелился и дал выстрел. Люба подала другой патрон. Танк, внезапно вырвавшись на бугорок, задымился, запылал.

Люба подала третий патрон. В этот миг пулеметная очередь оборвала ее движение. Она опустилась на землю и, делая попытку подняться, все крепче сжимала в руке застывший патрон.

— Ни шагу назад, вперед, ребята! — твердила на глазах угасавшая Люба.

Слова становились все тише и тише. Что хотела она еще сказать в последний миг, при последнем вздохе? Она умолкла, а бойцы все еще слышали ее призывный голос. Прекрасная жизнь и смерть чудесной дочери Украины комсомолки Любы Земской останутся навеки подвигом, зовущим и немеркнущим.

Лесня

Ф ЛЮБЕ ЗЕМСКОЙ

*(Памяти отважной комсомолки—
стрелка из противотанкового ружья)*

Мчались танки с черными крестами,
Но не дрогнул у ружья расчет.
Бейте бронбойными! И пламя
Из пробоин танка потечет.

Два подбиты. Третий рвется с тыла,
Льется пуль светящихся струя.
Строго, словно памятник, застыла
Девушка у длинного ружья,

Возле сердца маленькая ранка...

Горе укротить я не могу!

Умирает победитель танка

На весеннем, тающем снегу.

Только крикнула: — Назад ни шагу! —

И поникла русой головой.

Люба Земская! Мы, как присягу,

Сквозь огонь проносим возглас твой.

Коротко военное прощанье,

Падают на гроб комки земли.

...Вот письмо, что мы в ее кармане,

Пулею пробитое, нашли.

Ветерка слабей, сильней металла

Каждая чудесная строка,

Как подруга, родине писала

Девушка из нашего полка.

После полной яростной расплаты,

На могилу принеся цветы,

Вспомним, героиня, как жила ты,

Говоря с отчизною на «ты».

Мы идем весенними полями,

Кое-где похрустывает лед.

Ружья длинные несет за нами

Твой противотанковый расчет.

Евгений Долматовский

Уже много дней от полка не поступало никаких сведений. Вешние воды размыли поля, сделали непроходимыми болота, а вышедшая из берегов река совсем отрезала тот участок, который занимал полк. Начальник штаба соединения вызвал к себе радистку Марусю Камкову.

Через несколько часов радистка сидела в самолете. За спиной у ней были парашют и небольшая переносная радиостанция. Разбрызгивая грязь, машина с трудом поднялась в воздух. Она пронеслась над позициями наших войск, и Маруся видела, как бойцы махали ей шапками и что-то кричали.

Пролетели линию фронта. Прошло еще несколько минут. Радистка знала, что самолет уже находится над тем местом, где ей нужно выбраться. Но что случилось? Почему летчик поворачивает назад? Маруся недоумевала. Не было никаких сомнений: летчик, не подав сигнала о прыжке, резко изменил курс и летит назад.

О том, что случилось в воздухе, Маруся узнала только после приземления самолета: летчик был ранен. Он напрог последние силы и доставил радистку обратно на аэродром. Он опасался, что и радистка либо ранена, либо убита, и весело улыбнулся ей, когда она вынула бинт и стала перевязывать ему рану.

Первая неудача расстроила Камкову. Она боялась, как бы не отменили полет, хотя его назначили на следующую ночь.

И вот другая машина подняла ее в воздух. Ночь была темная, и лишь по вспышкам от пулеметов и минометов Маруся определила, что приближается место, где она должна приземлиться.

— Вылезай! — скомандовал летчик.

Она бросилась в ночную тьму, дернула кольцо и скоро повисла на раскрывшемся парашюте, плавно опускаясь на землю. Внизу простирался лес. Маруся опустила между двумя елями, купол парашюта зацепился за их верхушки.

В лесу еще лежал глубокий снег. Камкова, сделав несколько шагов, поняла, что здесь ей придется ждать рассвета. Она прислонилась к дереву и вскоре заснула, впервые за последние два дня. Проснулась внезапно, от гула самолетов, и не могла сразу вспомнить, где находится. Уже рассвело. Лучи весеннего солнца золотили верхушки деревьев, крупные капли таявшего снега падали на землю.

Маруся взвалила на плечи радию и пошла на юго-восток, где должен был находиться полк, в который она направлялась. Итти было трудно. Ноги то проваливались в разрыхленный снег, то опускались в ледяную весеннюю воду.

Издали послышались звуки выстрелов. «Свои или чужие?» — подумала Маруся. Она остановилась и стала наблюдать. По полянке пробежали люди. Среди них были две девушки. В утреннем тумане трудно было разглядеть и одежду людей, и их внешний облик.

«Свои или чужие?» — мучительно проносилось в мозгу девушки-радистки. Она еще раз посмотрела на карту и, держа ее в руке, поднялась на бугорок, чтобы видеть окрестность. Вправо раскинулась большая деревня. У опушки леса стояли старые, полуразвалившиеся сараи. Маруся проверила по карте. «Здесь, — решила она убежденно. — Свои».

Она развернула радию и впервые бросила в эфир кодированные знаки, обозначавшие:

— Я — Маруся. Приземлилась благополучно. Выхожу в район действий полка...

Бойцы встретили радистку с большой радостью. «Молодец девушка», — слышалось вслед, когда она шла к землянке, где находился штаб. Едва успев представиться, Камкова приступила к работе. Связь полка с командованием была установлена. Весь день сидела радистка у своей ради, передавала и принимала.

— Немедленно сбросьте в район Н. боеприпасы. Место выброски обозначим кострами. Время — три часа ночи.

— Необходимы медикаменты, есть тяжело раненные. Пришлите бинты, iod, спирт...

Врач, стоявший рядом с радисткой, с волнением наблюдал, как она передавала в эфир эту радиограмму, от которой зависела жизнь людей.

В утренней оперативной сводке командования было отмечено, что связь с полком установлена радисткой Марусей Камковой, прыгнувшей с парашютом в район действий полка.

Немцы знали, что полк, отрезанный из-за распутицы от других частей, находится в трудном положении. Поэтому они всячески усиливали нажим, стремясь вклиниться в систему нашей обороны. Немецкие автоматчики порой пробирались к самому штабу полка, даже к тому дереву, возле которого расположилась радиостанция Маруси Камковой. Тогда радистка работала под свист пуль, держа наготове свой автомат.

Ночью на соседней поляне разложили костры. В три часа ночи никто не спал. Сидели молча, чутко прислушиваясь к звукам весенней ночи.

— Летят! — радостно вырвалось у сотен людей, когда тишину пререзал гул моторов.

Боеприпасы, продовольствие, медикаменты — все было сброшено в достаточном количестве. Полк словно ожил. Затрещали замолкшие было пулеметы, с удвоенной энергией заработали минометчики и артиллеристы. Девушка-радистка, которую попросту стали называть Марусей, была уже любимицей полка. Не отрываясь, сидела она у своей радиостанции. Даже засыпала, не снимая наушников.

Когда полк отправился выполнить задание командования, радистка пошла с ним. Шесть суток шли по талой земле, по болоту, проваливаясь нередко по пояс в воду. Маруся Камкова несла на себе радиостанцию, и на привалах снова слышалась ее работа.

Боевое задание командования было выполнено. Полк соединился с нашими частями. Радистку снова отозвали в штаб соединения. С ней прощались в полку, как с дорогим другом, отважным боевым товарищем.

— Храбрая девушка, — назвал Марусю Камкову генерал армии Жуков, вручая ей орден Красного Знамени.

Военный Совет Западного фронта наградил отважную радистку, также часами и грамотой.

Я. МИЛЕЦКИЙ

Девушка с

винтовкой

Со стороны это было похоже на представление в кукольном театре. Немец сидел за ширмой из густых непролазных кустарников и разыгрывал целую комедию. Сначала он выставил вперед металлическую каску. Ржавая, с помятым козырьком, с пробойной в левом углу, каска то лежала неподвижно, то вдруг принималась прыгать, как заводная.

Потом Людмила Павличенко увидела, как возле одинокого поля словно из-под земли выросло искусно сделанное чучело немецкого солдата. На нем была темнозеленая шинель, пилотка-пирожок, бурые ботинки, нарочно запачканные грязью. И даже винтовку этот тряпичный воин держал с той непринужденностью, которая отличает живого человека.

— Форменный балаган, — подумала про себя Павличенко и вслух сказала: — Ну, товарищ наблюдатель, готовься. Еще часок, и немец не выдержит.

Действительно, вскоре кусты зашевелились. Фашистский корректировщик осторожно приподнял голову, уперся ладонями в бруствер окопа, прислушался и скрылся. Минутой позже он опять выглянул, на этот раз уже с биноклем. Указательный палец Людмилы Павличенко инстинктивно дотронулся до спускового крючка. Грянул выстрел. Немец выронил из рук бинокль, клоннул носом.

— Сто пятьдесят восьмой, — деловито произнес наблюдатель, вытаскивая записную книжку.

Ночь Людмила Павличенко провела в блиндаже у пулеметчиков. Примостившись на земляном полу, она укрылась шинелью, положила под голову неразлучную винтовку и задремала. Где-то на фланге ухали немецкие орудия. Почти без перерыва били минометы. Жидкий настил землянки дрожал от ударов взрывной волны. Но девушка даже не шевельнулась. Охота за вражеским корректировщиком, длившаяся восемь с половиной часов, вконец обессилила ее, и она спала, ничего не слыша, крепко, без сновидений.

Утром, чуть рассвело, Людмила вновь отправилась на пост. Места были знакомые: лес, овраг, вытоптанный виноградник, поляна в форме правильного круга. Ничто пока не угрожало ей. И все же по старой снайперской привычке она то уходила далеко

в кусты, то двигалась, полусогнувшись, то долго и внимательно осматривала каждый бугорок. Предосторожность оказалась не напрасной. Почти у самой цели над Людмилой просвистела пуля, следом—вторая, третья, четвертая. Стрелял немецкий автоматчик.

Девушка отскочила в сторону, плашмя упала на землю и стала наблюдать. Трофейный цейсовский бинокль помог ей разглядеть едва приметный след на скате высоты. Не сводя с него глаз, Людмила подползла вперед и скоро обнаружила фашистскую засаду. Пять автоматчиков лежали у дороги, по которой шло снабжение нашего полка боеприпасами и продовольствием. Прицелившись, Павличенко наповал убил одного немца. Остальные бросились бежать, но тут же опомнились, вернулись и открыли бешеный огонь.

Пули падали и спереди, и сзади, и с боков. Плотнo прижавшись к земле, Людмила взяла на мушку того немца, что стрелял из воронки от снаряда. Немец смешно взмахнул руками и застыл на месте. Ползком она сменила позицию, прицелилась и уложила третьего автоматчика. Оставшиеся в живых два немца отказались от поединка. По кустам, по балкам они рванули назад. Людмила послала им вдогонку две пули и убила еще одного. Пятому удалось скрыться.

Тогда девушка встала. Она, не торопясь, отряхнула пыль и начала собирать трофеи. К вечеру Павличенко явилась в батальон с четырьмя автоматами, с десятком обойм, с внушительной пачкой солдатских писем. Ноги ее подкашивались от усталости, во всем теле она чувствовала ломоту. Сидя в блиндаже, Людмила вспомнила профессора истории, у которого перед войной консультировала свою научную работу о Богдане Хмельницком.

— Представляете, дорогая? — говорил профессор. — Кругом враги, на каждом шагу смертельная опасность, а наш герой спокойно курит казацкую люльку, и в глазах его ни тени испуга, и сердце его, будто закованное в латы, бьется ровно—удар за ударом.

«Мне бы такое сердце, профессор»,—с усмешкой подумала Людмила и уснула. Опять ухали немецкие орудия, дрожал непрочный настил землянки, строчили пулеметы. И опять она спала крепко, без сновидений. На рассвете ее и снайпера Леонида Киценко вызвали к командиру роты. Разговор был короткий. Наши разведчики обнаружили командный пункт противника. Нужно подобраться к нему возможно ближе, выследить и уничтожить офицеров.

Над фронтом висел тяжелый, непроницаемый туман. Снайперы обошли лющину, пересекли поле и углубились в лес. По ту сторону леса они залегли. Туман поредел, и Людмила увидела тонкие нити телефонных проводов. Почти одновременно Леонид Киценко заметил на гребне высоты поджарого немецкого солдата с большим чайным подносом. Снайпер—не только отличный стрелок, он еще зоркий наблюдатель и внимательный разведчик. Проследив, куда

ведут провода и куда идет солдат с подносом, Людмила точно засекала вражеский командный пункт.

Теперь оставалось ждать. Оба снайпера выдвинулись метров на 50 вперед и притаились. Они ни о чем не говорили и ни о чем не думали. Как охотник подстерегает дичь, так Людмила Павличенко и ее товарищ молча, сосредоточенно подстерегали немца. У бокового входа в офицерскую землянку остановились два солдата. Людмила шепнула своему напарнику «пора». Прозвучали два выстрела, и солдаты рухнули на землю. К ним подбежал усатый унтер. Раздался новый выстрел—унтера постигла та же участь.

Некоторое время в лагере противника царило затишье. Труны валялись у самого входа в землянку, но никто не решался подобрать их. Наконец, дверь полуоткрылась, и на пороге показался рослый офицер. Людмила прицелилась, выждала, пока офицер вышел наружу, и выстрелила. Немец опрокинулся навзничь. Очевидно, это была важная фашистская птица. К убитому бросилось несколько человек. Тотчас вслед им полетели пули, и еще три немецких оккупанта нашли себе могилу на нашей земле.

Меткий огонь снайперов взбесил врага. Заговорили минометы, установленные рядом с командным пунктом. Людмила Павличенко перебралась на запасный пост. То же самое сделал ее напарник. Они не прекратили огня даже тогда, когда мина упала в десяти метрах. Фашистское гнездо было разворочено. Потеряв группу офицеров—наблюдателей и связных, немцы удрали.

Так проходит день за днем. Героическая комсомолка Людмила Павличенко, еще до войны окончившая снайперскую школу, добровольно вступила в ряды действующей Красной Армии. Здесь она стала первой помощницей бойцов и в обороне и в наступлении. Историк по образованию, воин по складу души, она воюет со всем жаром своего молодого сердца.

На досчатой стене землянки висит плотный лист бумаги с золотым тиснением:

«Диплом.

Дан старшему сержанту Павличенко Людмиле Михайловне в том, что она является снайпером-истребителем немецко-фашистских оккупантов.

По данным на 6 апреля 1942 года, тов. Павличенко уничтожила 257 фашистов *).

Военный совет N армии».

Девушка смотрит на диплом, на верную винтовку с телескопическим прицелом и говорит просто:

— Будет больше.

Л. ОЗЕРОВ

Севастополь

*) В дальнейшем сообщалось, что снайпер Павличенко уничтожила свыше 300 фашистов. (Примечание редакции).

Стихи

На вид она не очень-то крепка,
Когда дитя качает в колыбели...
Но как, друзья, сильна она на деле,
Заботливая женская рука!

Она не только пестует свой дом,
Не только нежность к детям ей знакома,
В родной стране она везде, как дома,
Она в беде прикроет, как щитом.

Когда от бомб в стропилах чердака,
Мгновенье—и строенье загорится,—
Она уже в пожарной рукавице,
Заботливая женская рука.

Под градом пуль, под орудийный гром,
Под гул артиллерийского прибоя
Она бесстрашно вынесет из боя
И раны перевяжет под огнем.

Ей ведомы лопата и кирка,
Она копает рвы, кладет настилы.
Она работает с неженской силой,
Заботливая женская рука.

За родину, за свой родной очаг,
За детскую каштановую челку,
За детский голос, чтобы не умолк он,
За город, чтоб в него не вторгся враг,

За благородство жизненных путей
Бестрепетно она любого гада
За горло схватит, если это надо,—
Попробуй, вырвись из ее когтей.

Открытая, все жилки в ней видны,
Бесхитростная,—вся, как на ладони...
Но горе тем, кто честь ее затронет,
Кто посягнет на мир ее страны.

В. ИНБЕР

Мать

В городе Уварове, за Можайском, в холодные ноябрьские дни 1941 года немцы замучили и убили женщину-партизанку Александру Мартыновну Дрейман и ее новорожденного сына. Она ушла в лес, в отряд, в дождливую ветреную ночь, когда на уваровской площади перед школой уже стояли вражеские танки, а немецкие автомобили двигались к Бородину и Можайску. — то было тревожное время наступления немцев на Москву.

Теперь никто не может припомнить, звали ли Александру Мартыновну в партизанский отряд. За оврагом, у палатки, все увидели эту уже не молодую женщину в ватной тужурке, в больших сапогах и темной косынке. Как человек, привыкший с детских лет к непрестанному труду, она сразу спросила у командира отряда Семена Хлебутина, что делать. Он усмехнулся и ответил: «Будь хозяйкой нашей...».

Александра Мартыновна засучила рукава тужурки, принесла из спадающего по камням ручья котел воды и с той минуты вошла в привычный жизненный ритм: сушила в землянке над камельком сапоги партизанам, возвратившимся с разведки, помогала повару варить обед, чистила оружие, убирала в палатке. И днем и ночью трудилась Александра Мартыновна, и все в отряде стали для нее родными, близкими, она их в шутку называла «дети мои», хоть в лесу жили и пожилые люди. И ее они называли самым теплым словом — «мать».

Отряд уже действовал вторую неделю. Выпал снег, земля, затвердевшая и кочковатая, сравнялась, смолк птичий говор в лесу, но не стихали ни выстрелы, ни пулеметная дробь, отдаленная и сухая, как треск палки по частоколу. В отряд приносили немецкие автоматы, каски, шинели, патроны — партизаны нападали на обозы, уничтожали фашистских карателей, бродивших по селам. Комиссар отряда Павел Фомин готовил людей к крупным операциям.

Враг подтягивал танковые дивизии для нового наступления на Москву. Фомин решил взорвать мост на магистрали и задержать движение немецких колонн. Нужен был опытный разведчик, знавший все тропы и дорожки в лесу: не по просекам, а по густым зарослям следовало вынести мины к мосту. Тогда в поход попросилась Александра Мартыновна. Она ведь знает уваровские леса, как свой дом, как село Поречье, где она выросла. В лесах этих не раз ходили они целыми днями, собирая грибы или ягоды для

помещика, лозу для корзин. Здесь, вблизи Уварова, вместе со своей матерью Александра Мартыновна батрачила у помещика, потом, после революции, училась в сельской школе. В последнее время была председателем Ерышовского сельского совета. Как же ей не знать все тропинки и тайные дорожки в уваровских лесах?

Ночью на магистрали был взорван мост, когда на нем находились танки и автомобили с пехотой. К утру вернулись в лес партизаны, усталые, шумливые, проголодавшиеся. Только Александра Мартыновна забилась в уголок в землянке, пролежала весь день под тулупом, вздрагивая от холода, бледная и задумчивая. Дважды к ней подходил комиссар отряда Павел Фомин. Но она куталась в тулуп и притворялась спящей. На рассвете она встала, согрела воду, убрала в палатке, надела ватную тужурку и простилась с партизанами.

— Не могу оставаться,—сказала она Фомину,—нет сил моих. А обузой быть не хочу. Горько мне, но ухожу...

Никто не знал истинных причин ее ухода. Лишь к вечеру повар поведал всем, что Александра Мартыновна ждет ребенка. Она все время ходила в тулупе, боясь, что, заметив, о ней станут заботиться. В разведке она три раза садилась отдыхать, а партизаны ее ждали. А разве время теперь с детьми в отряде возиться?

Повар умолк, и грохот взрывов напомнил о страшной битве, которая идет на полях, на дорогах, в лесах. Но не могла заслонить эта битва такой обычный, но всегда многострадальный период в жизни женщины: рождение нового человека. Очередной разведке был дан наказ—найти в городе Уварове Александру Мартыновну, окружить ее заботой, побереечь от врагов. Но найти ее уже не удалось, а неделю спустя в отряде узнали, что Александру Мартыновну, связанную, привезли в немецкую комендатуру, в большую каменную новую школу.

С той минуты отряд ничего не мог о ней узнать: она исчезла. Лишь на десятый день плотник Ефрем Цыганков, отец партизана, видел, как на рассвете два немецких солдата тащили по снегу чей-то окровавленный труп, и, когда бросали его под лед озера, Цыганков узнал Александру Мартыновну Дрейман.

Как попала она к немцам, через какие пытки прошла, что стало с ее новорожденным сыном? Никто об этом не знал в Уварове. И лишь теперь из рассказов местных жителей—Анны Минаевой, Анны Гусляковой, Евдокии Каленовой, Ефрема Цыганкова, видевших, как вели и пытали Александру Мартыновну, из бесед с теми, кто сидел вместе с ней в сарае в типографском дворе и избежал казни, и, наконец, из допроса переводчика немецкого коменданта города Уварова Ильинского, который пойман нашими войсками,—лишь теперь мы можем восстановить мученический предсмертный путь матери-партизанки.

Она пришла в город ночью, поселилась в домике, где был врач. Он посоветовал лежать, не выходя на улицу: в Уварове—казни, стоны и слезы замученных, а волнение вредно перед рода-

ми. Александра Мартыновна подсчитала запас консервов и колбасы, который ей дали в отряде. Три дня она лежала, а на четвертый день в домик постучали. Александра Мартыновна выглянула в окно: у крыльца полукругом стояли немецкие солдаты. Она накинула теплый платок и открыла двери. Ворвался маленький толстый немец, ударил ее, она закачалась, но два солдата подхватили, связали руки и повели к каменному сарайчику на топографском дворе.

Там оказалось много знакомых. Они стояли, плотно прижавшись друг к другу: сидеть не разрешали, да и едва ли было это возможно в такой тесноте. Александра Мартыновна продвинулась к стенке, руки, завязанные за спиной, отекали, но она молчала. Ночью ее вызвали на допрос. Солдат привел ее к немецкому коменданту города Уварова капитану Хаазе. На допросе присутствовал переводчик Ильинский. Хаазе сказал: «Сядьте!». Александра Мартыновна придвинулась к столу и спокойным голосом произнесла:

— Дайте мне родить... Мне осталось еще три дня... Потом убивайте!

Хаазе посмотрел на нее, рассмеялся, приказал солдатам раздеть ее. Она попыталась сопротивляться, но кто-то тяжелым кованым сапогом ударил ее, она упала. Александру Мартыновну подняли, но сесть не разрешили. Хаазе сказал:

— Во имя вашего ребенка скажите нам, где находится партизанский отряд? Мы знаем, что вы оттуда.

Она помолчала мгновенье и ответила:

— Я ничего не знаю и ничего не скажу. Вам удалось меня словить, стало быть, мне суждено погибать. А про отряд я ничего не скажу, сколько ни пытайте.

Хаазе еще спросил: коммунистка ли она? Александра Мартыновна покачала головой, сказала:

— Я ещё малосознательная...

Потом комендант предложил ей пройти по улицам города и указать дома, где живут ее знакомые. Она пойдет босая и нагая, только в платке, но чем больше она укажет домов, тем чаще она будет греться.

Два солдата вели ее по ночному городу, морозный ветер обжигал ее тело, она куталась в платок, но шла молчаливая, завязав узелком распушившиеся светлые волосы. Ноги ее, босые и отекающие, ступали по утоптанному снегу. Под утро она вернулась к коменданту, солдат доложил, что женщина не нашла ни одного знакомого дома. Ее вернули в сарай, и все расступились: ее вид заставил всех содрогнуться. Она посинела, при свете восходящего дня даже в этом полутемном сарае можно было различить ее постаревшее и осунувшееся лицо. Она попыталась лечь на пальто, кем-то отданное ей, но немецкий солдат, сопровождаемый тем же переводчиком, всех вывел из сарая, оставив только Александру Мартыновну. Ей же лежать не разрешил: стоять, только стоять!

Три дня пробыла она в одиночном сарае полуголая, без воды и пищи. Никто не знает ни ее мыслей, ни мук, ни страданий. Только один раз к ней тайком пришла колхозница Евдокия Каленова с куском хлеба и супом. Она постучала в стенку сарая и услышала глухой стон. Каленова заплакала, ее поймали, отобрали хлеб и суп, избили.

Александрю Мартыновну после этого вновь привели к коменданту. Она уже не могла двигаться от истощения и болей, тело ее раздулось от холода. Хаазе опять спросил:

— Где партизанский отряд? Это вы взорвали мост?

Александра Мартыновна посмотрела на коменданта долгим взглядом, словно соображая, о чем у нее допытываются. Потом сказала:

— Да, я—во всем я виновная...

Больше она ничего не произнесла, впала в беспамятство. Анна Гуслякова, которая проходила мимо комендатуры, услышала чьи-то крики. Приблизившись к окну, она увидела, как двое солдат били шомполами лежавшую Александру Мартыновну. В ту же ночь начались родовые схватки, ее отвезли в сарай, бросили на холодные доски. Всю ночь в домах, прилегающих к типографскому двору, слышали крики и стоны женщины. Все знали—это Александра Мартыновна. Но под страхом смертной казни запрещалось подходить к двору. И никто не мог помочь ей, она шла по своему многострадальному и мученическому пути голодная, истерзанная пытками и побоями, несла в себе нового человека и где-то в глубине своей души находила силы и все еще продолжала жить. Она родила сына, обмыла его снегом, пробившимся в щели сарая, и потеряла сознание.

Она очнулась в комендатуре. Ее одели в какой-то грязный халат. Хаазе сказал ей:

— Ваш сын будет жить только в том случае, если вы скажете, где отряд.

Александра Мартыновна поднялась, посмотрела на всех широко раскрытыми глазами и прошептала:

— Дитё пощадите... Он ни в чем неповинен...

Ее ударили штыком, она умолкла, застыла и вдруг закричала:

— Не залить вам кровью земли нашей! Погубите сына, у меня полный лес сыновей, весь отряд!

Ее вновь ударили, ноги ее подкосились. Хаазе начал бить ее сапогом. Но муки ее еще не окончились.

Алекса́ндре Мартыновне предложили пойти в лес и указать хоть дорогу, ведущую к партизанам. Она поднялась, попросила сапоги и пальто. Она не могла двигаться, и ее усадили в сани. Ефрем Цыганков видел, как Александра Мартыновна повела немцев на восток, а отряд размещался в лесу, к западу от города. К ночи она вернулась, вернее, ее провезли по улицам города, избитую и окровавленную. В комендатуре ей показали мертвого сына.

Она заплакала, впервые за все дни своих страданий, словно больше не было сил.

Ее вывели на крыльцо школы, где помещалась комендатура. Там стояли люди—их разгоняли. Александра Мартыновна вытерла слезы, будто они могли ее уличить в слабости, и произнесла скороговоркой, торопясь:

— Не склоняйте головы перед зверьем, придет час нашей победы. Прощайте, родные мои...

Ее толкнули прикладом, она соскользнула в снег, но опять поднялась, босая, измученная, посиневшая, распухшая, истерзанная палачами. И ее голос вновь возник в вечерней тьме:

— Матери, родные, слышите ли вы меня? Я смерть принимаю из рук зверей, сына своего не пощадила, но правды своей не выдала. Слышите ли меня, матери?!

Но немецкие солдаты всех разгоняли, а Александру Мартыновну затащили во двор, кололи штыками, били, снова кололи, пока вместе со страшным криком она не рассталась с жизнью, как воин, как бессмертный герой земли советской.

И пока враг не будет разбит, все честные люди земли, все, в ком бьется материнское сердце, не забудут предсмертный клич Александры Мартыновны Дрейман. Он звучит, этот клич, из глубины ее мученической души. И никогда не смоется в памяти народа образ матери, чья любовь к родине, к свободе, к земле своей оказалась сильнее всех ее материнских чувств.

Вечная и бессмертная слава ей!

Западный фронт

О. КУРГАНОВ

Немцы пришли в село З. и в тот же вечер расстреляли председателя колхоза 56-летнего Павлова, бригадира-комсомольца Федю Коллина и делопроизводителя сельсовета восемнадцатилетнюю Паню Петрову.

Потом пошли по домам, грабили дочиста. Брали кур, поросят, носильные вещи, обувь, кастрюли. Ломали печи в поисках спрятанного.

На другой день после прихода немцев член правления колхоза Евдокия Миронова собрала женщин в лесу—взрослых мужчин в селе не было—ушли в Красную Армию. Собрались на глухой поляне, тайно, выставив дозорных. Евдокия уселась на траву, пригладила головной платок, откашлялась и спросила:

— Ну, как быть, бабы?

Говорили долго и горячо. Единогласно решили: жить и работать, как жили и работали—колхозом. А если немцы снова начнут грабить, не давать, защищаться. Выбрали нового председателя колхоза—Евдокию Семеновну Миронову, 38 лет, вдову, многодетную.

Прошло несколько дней. 12 июля колхозница Наталья Соболева ударила фашистского ефрейтора поленом в грудь, когда он, пьяный, отал приставать к ее пятнадцатилетней дочери. Наталью арестовали и привязали к столбу, вкопанному посреди улицы. Ей не давали ни пить, ни есть. Через двое суток ее повесили.

Тогда председательница Миронова снова созвала женщин в лесу на собрание. Вопрос был один—о гибели Соболевой. Миронова сказала:

— Товарищи! Наша Наташа, наш друг дорогой, повешена. Как нам быть? Сидеть и смотреть? Я вас спрашиваю как председатель. Или взять вилы и драться?

В ту же ночь колхозницы тайком перенесли детей в лес. А на следующую ночь приступили к действиям.

Штаб фашистского подразделения помещался в доме сельсовета. Охраняли его двое часовых, один—на улице, другой—во дворе.

Погода с утра выдалась дождливая. К вечеру дождь перестал, поднялся легкий летний туман. В полночь шесть женщин подкрались к часовым. Прислушались. Все было тихо, равномерно и четко звучали шаги часовых.

Сначала втроем напали на часового, охранявшего вход, свалили его на землю, набросили на голову мешок и приколотили вилами. Со вторым часовым было труднее. Он, видимо, что-то заприметил в тумане, остановился, вскинул ружье, но Миронова ударила его сзади топором в спину. Он упал, на него набросились, придавили, зажали рот. Он потянулся за пистолетом, ему скрутили руку и закололи. С часовыми было покончено. Снова прислушались. Дом спал. В селе тоже было тихо. Только где-то на околице тревожно лаяла собака. Подождали, пока она уgomонится, потом тихонько подошли к дому, облили его керосином. Горючего не жалели. Подождгли с четырех сторон. Огонь вспыхнул сразу, пламя взметнулось высоко, и, как бы в ответ, заколыхались в разных концах деревни багровые пятна—это горели избы, подожженные остальными колхозницами. Море огня.

Из штаба во двор выбежал офицер, стреляя на ходу, и тут же упал от удара вилами в спину—ударила 19-летняя доярка Федосья Щелкунова. Другой офицер показался на крыльце и свалился с раскрытым черепом—удар топора... Подбежали солдаты, раздался треск автоматов. Председательница скомандовала:

— Бабы! В лес!

Женщины побежали в лес, петляя среди кустов, под беспорядочным, но ожесточенным обстрелом.

В лесу, взяв детей на руки, вооруженные вилами и топорами, они в ту же ночь пошли к своим, на восток.

Так начался их долгий путь.

Приходилось двигаться по ночам, укрываясь на день в лесной чаще. Питались земляникой, сырыми грибами. Как-то раз ночью доярка Щелкунова, ходившая в дозор, сказала, вернувшись:

— На дороге немецкий грузовик. Чинится. С ним шофер и еще двое.

Председательница Миронова спросила:

— Как, селяйки? Вилами?

Они подкрались к грузовику, окружили его в темноте и кинулись с вилами на немцев. Те бросились наутек: уж не думали ли они, что против них действует батальон? Женщины настигли всех троих и закололи, а грузовик подожгли. Он горел ярко и долго. Отойдя далеко в лес, женщины видели еще колеблющиеся, играющие отблески пожара. Другой раз, сбившись с пути, попали в болото, насили вылезли на проселок. Подождали темноты. В темноте трое из них пробрались в соседнее село, долго выжидали, высматривая, нет ли врага. Не заметив ничего подозрительного, постучали в крайнюю избу; хозяйка избы дала им хлеба, молока и рассказала, что не одни они вот так идут на восток:

— Ох, идут и идут!.. По чаще, по буреломам!.. Сколько их, бабоньки!..

Она рассказала также, что немцы были в селе, но ушли, снова пришли, опять ушли — мечутся, по ночам всюду стрельба, пожары.

Возвращаясь из села, три женщины наткнулись на немца-мото-

циклиста. Сказали ему, что из соседней деревни, идут на сенокос. Он не поверил, задержал, приказал идти за собой. Они пошли. А когда подошли к роще, спустились в овраг, убили мотоциклиста топором. Потом разбили мотоцикл в куски.

На одиннадцатый день, миновав линию фронта, колхозницы наткнулись на передовые отряды советских войск: как раз вовремя — дети совсем истомились, едва шли, да и голодны были очень. Три последних дня почти ничего не ели.

Так закончился этот замечательный путь восемнадцати белорусских женщин.

Теперь они сидят за столом в штабе нашей части и рассказывают о своем пути.

Они рассказывают, вокруг сгрудились их дети. Головы женщины аккуратно повязаны платками, в руках у них вилы и топоры — оружие, которым они бились с врагом и которое они пронесли сквозь леса и болота.

Действующая армия

Е. ГАБРИЛОВИЧ

Кто была Таня

Указом Президиума Верховного Совета СССР комсомолке-партизанке Зое Космодемьянской посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

О ее подвиге было рассказано в очерке «Таня», напечатанном в «Правде» 27 января этого года. Тогда еще не было известно, кто она. Ни на допросе, ни в разговоре с петрищевской крестьянкой Прасковьей Кулик девушка не назвала своего имени и лишь при встрече в лесу с одним из верейских партизан сказала, что ее зовут Таней. Но и здесь из предосторожности она скрыла свое настоящее имя.

Сейчас Московским комитетом комсомола установлено, кто была эта девушка.

Это—Зоя Анатольевна Космодемьянская, ученица десятого класса школы № 201 Октябрьского района города Москвы.

Ей было восемнадцать лет. Она рано лишилась отца и жила с матерью Любовью Тимофеевной и братом Шуриком близ Тимирязевского парка, в доме № 7 по Александровскому проезду.

Высокая, стройная, плечистая, с живыми темными глазами и черными, коротко остриженными волосами—таким рисуют друзья ее внешний облик. Зоя была задумчива, впечатлительна, и часто вдруг густой румянец заливал ее смуглое лицо.

Мы слушаем рассказы ее школьных товарищей и учителей, читаем ее дневники, сочинения, записи, и одно поражает в ней всюду и неизменно: необычайное трудолюбие, настойчивость, упорство в достижении намеченной цели. Перед уроками литературы она прочитывала множество книг и выписывала понравившиеся места. Ей хуже давалась математика, и после уроков она подолгу засиживалась над учебником алгебры, терпеливо разбирая каждую формулу до тех пор, пока не усваивала ее окончательно.

Зюю избрали комсомольским групповым организатором в классе. Она предложила комсомольцам заняться обучением малограмотных домохозяек и с удивительным упорством добивалась, чтобы это начинание было доведено до конца. Ребята сначала охотно принялись за дело, но ходить было далеко, и многие быстро остыли. Зоя болезненно переживала неудачу, она не могла понять, как можно отступить перед препятствием, изменить своему слову, долгу...

Русскую литературу и русскую историю Зоя любила горячо и проникновенно. Она была простой и доброй советской школьницей,

хорошим товарищем и деятельной комсомолкой, но, кроме мира сверстников, у нее был и другой мир—мир любимых героев отечественной литературы и отечественной истории.

Порой друзья упрекали Зою в некоторой замкнутости — это бывало тогда, когда ее целиком поглощала только что прочитанная книга. Тогда Зоя становилась рассеянной и нелюдимой, как бы уходя в круг образов, пленивших ее своей внутренней красотой.

Великое и героическое прошлое народа, запечатленное в книгах Пушкина, Гоголя, Толстого, Белинского, Тургенева, Чернышевского, Герцена, Некрасова, было постоянно перед мысленным взором Зои. Это прошлое питало ее, формировало ее характер. Оно определило ее чаяния и порывы, оно с неудержимой силой влекло ее на подвиг за счастье своего народа.

Зоя переписывает в свою тетрадь целые страницы из «Войны и мира», ее классные работы об Илье Муромце и о Кутузове написаны с большим чувством и глубиной и удостаиваются самой высокой оценки. Ее воображение пленяет трагический и жертвенный путь Чернышевского и Шевченко, она мечтает подобно им послужить святому народному делу.

Перед нами—записная книжка, которую Зоя оставила в Москве, отправляясь в поход. Сюда она заносила то, что вычитала в книгах и что было созвучно ее душе. Приведем несколько выписок, они помогут нам понять Зою.

...В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли. (Чехов).

Быть коммунистом—значит дерзать, думать, хотеть, сметь. (Маяковский).

Умри, но не давай поцелуя без любви. (Чернышевский).

За десять французов я ни одного русского не дам. (Кутузов).

Ах, если бы латы и шлем мне достать,

Я стала б отчизну свою защищать...

Уж враг отступает пред нашим полком.

Какое блаженство быть храбрым бойцом! (Гете).

«Какая любвеобильность и гуманность в «Детях солнца» Горького!»—записывает она карандашиком в свою памятную книжку. И далее: «В «Отелло»—борьба человека за высокие идеалы правды, моральной чистоты, тема «Отелло»—победа настоящего большого человеческого чувства!».

С какой-то особенной, подкупающей, детской искренностью и теплотой пишет Зоя о тех, в ком воплощено горделивое вчера, бурливое сегодня и светлое завтра нашего народа,—об Ильиче, о Сталине.

В этих записях она вся—чистая помыслами и всегда стремящаяся куда-то ввысь, к достижению лучших человеческих идеалов.

Июнь 1941 года. Последние экзамены. Зоя переходит в десятый класс, а через несколько дней начинается война. Зоя хочет стать бойцом, она уходит добровольцем в истребительный отряд.

Она прощается с матерью и говорит ей:

— Не плачь, родная. Вернусь героем или умру героем.

И вот Зоя в казарме, в большой и показавшейся ей суровой комнате, перед большим столом, за которым сидит командир отряда. Командир долго и испытующе вглядывается в ее лицо.

— Не бойтесь!

— Нет, не боюсь.

— В лесу, ночью, одной ведь страшно?

— Нет, ничего.

— А если к немцам попадетесь, если пытать будут?

— Выдержу...

Ее уверенность подкупила командира, он принял Зою в отряд. Вот они, латы и шлем бойца, которые грезились Зое!

Семнадцатого ноября она послала матери последнее письмо: «Дорогая мама! Как ты сейчас живешь, как себя чувствуешь, не больна ли? Мама, если есть возможность, напиши хоть несколько строчек. Вернусь с задания, так приеду погостить домой. Твоя Зоя». А в свою книжечку занесла строку из «Гамлета»: «Прощай, прощай! И помни обо мне».

На другой день у деревни Обухово, близ Наро-Фоминска, с группой комсомольцев-партизан Зоя перешла через линию фронта на занятую противником территорию.

Две недели они жили в лесах, ночью выполняли свое боевое задание, а днем грелись в лесу у костра и спали, сидя на снегу и прислонившись к стволу сосны. Иных утомили трудности похода, но Зоя ни разу не пожаловалась на лишения. Она переносила их стойко и гордо.

Пищи было запасено на пять дней. Ее растянули на пятнадцать, и последние сухари уже подходили к концу. Пора было возвращаться, но Зое казалось, что она сделала мало. Она решила остаться, проникнуть в Петрицево. Она сказала товарищам:

— Пусть я там погибну, зато десяток немцев уничтожу.

С Зоей пошли еще двое, но случилось так, что вскоре она осталась одна. Это не остановило ее. Одна провела она две ночи в лесу, одна пробралась в деревню к важному вражескому объекту и одна мужественно боролась против своры терзавших ее с безумной жестокостью фашистов. И в эти последние часы ее, наверно, не покидали и окрыляли любимые образы героев и мучеников русского народа!

Как-то Зоя написала в своей школьной тетради об Илье Муромце: «Когда его одолевает злой нахвальщик, то сама земля русская вливает в него силы». В те роковые минуты словно сама родная, советская земля дала Зое могучую, неведимую силу. Эту дивную силу с изумлением вынужден признать даже враг.

В наши руки попал унтер-офицер Карл Бейерлейн, присутствовавший при пытках, которым подверг Зою Космодемьянскую командир 332-го пехотного полка 197-й немецкой дивизии подполковник Рюдерер. В своих показаниях гитлеровский унтер, стиснув зубы, написал:

«Маленькая героиня вашего народа осталась тверда. Она не знала, что такое предательство... Она посинела от мороза, раны ее кровоточили, но она не сказала ничего».

Зоя умерла на виселице с мыслью о родине и с именем Сталина на устах. В смертный час она славилась грядущую победу.

Тотчас после казни площадь опустела, и в этот день никто из жителей не выходил на улицу без крайней необходимости. Целый месяц висело тело Зои, раскачиваемое ветром и осыпавшееся снегом. Прекрасное лицо ее и после смерти сохранило свою свежесть и чистоту, и печать глубокого покоя лежала на нем. Те, кому нужно было пройти мимо, низко опускали голову и убыстряли шаг. Когда же через деревню проходили немецкие части, тупые фрицы окружали виселицу и долго развлекались, тыкая в тело палками и раскатиho гогоча. Потом они шли дальше, и в нескольких километрах их ждало новое развлечение: возле участковой больницы висели трупы двух повешенных немцами мальчиков.

Так шли они по оккупированной земле, утыканной виселицами, залитой кровью и вопиющей о мщении.

Немцы отступали поспешно и впопыхах не успели сжечь Петришево. Оно одно уцелело из всех окрестных сел. Живы свидетели кошмарного преступления гитлеровцев, сохранились места, связанные с подвигом Зои, сохранилась и могила, где покоится ее прах.

И холм славы уже вырастает над этой едва приметной могилой. Молва о храброй девушке-борце передается из уст в уста в освобожденных от фашистов деревнях. Бойцы на фронте посвящают ей свои стихи и свои залпы по врагу. Память о ней вселяет в людей новые силы. «Нам, советским людям,—пишет в редакцию «Правды» студент-историк,—много еще предстоит пережить. И если трудно придется, я прочту снова этот печальный рассказ и погляжу на прекрасное, мужественное лицо партизанки».

Лучезарный образ Зои Космодемьянской светит далеко вокруг. Своим подвигом она показала себя достойной тех, о ком читала, о ком мечтала, у кого училась жить.

П. ЛИДОВ

Верная дочь советского народа *Лиза Чайкина*

В историю героической борьбы советского народа за свою честь, свободу, независимость рядом с именами бессмертного летчика Николая Гастелло, генерала-гвардейца Ивана Панфилова и его питомца политрука Диева, танкиста-гвардейца Лавриненко сегодня мы вписываем еще одно имя — девушки-комсомолки Лизы Чайкиной.

Лиза работала секретарем Пеновского райкома комсомола Калининской области. Молодежь любила своего вожака за беспредельную преданность партии Ленина — Сталина, за сердечную простоту, за твердость характера, за неукротимое стремление всегда и везде делом оправдать высокое звание члена ВЛКСМ. Воспитанная на лучших традициях Ленинско-Сталинского комсомола, Лиза Чайкина всегда была с молодежью, служила для нее примером и образцом.

Началась великая отечественная война советского народа против немецких захватчиков. С первого часа этой священной войны в первых рядах до последней секунды своей жизни, до самого последнего дыхания шла наша боевая подруга. Лизу видели в строительстве укреплений, на уборке хлеба, на собраниях всегда вместе с массами молодежи, всегда во главе масс. Ее руки не знали усталости, ее глаза не знали сна, ее сердце не знало покоя. В ней всегда горела благородная внутренняя тревога за дело своей партии, своего народа. Без борьбы за родину она считала свою жизнь бесцельной и ненужной.

Пришел черный день, когда в район ворвались фашистские бандиты. Лизе предлагали уйти — будет трудно, опасно. Девушка наотрез отказалась. День и ночь работала верная патриотка в тылу немецко-фашистских войск. Вместе с ней героически действовали комсомолы Николай Фокин, Шура Зуева, 15-летний Ваня Тихомиров. Безудержный террор, дикие расправы озверелых фашистов над жителями, угрозы и пытки гитлеровских палачей — ничто не могло остановить молодых советских патриотов.

Находясь в тылу, Лиза слышала о докладе товарища Сталина 6 ноября, а потом прочитала мужественные, полные горячей веры в свой народ, в победу над фашистскими захватчиками слова вождя. Доклад товарища Сталина вдохновил на борьбу, влил новые силы, укрепил веру в неизбежный разгром подлого, вероломного врага. Комсомолка считала своим долгом рассказать все население района о докладе товарища Сталина.

Лиза пошла по селам и деревням. Всюду она находила благодарных слушателей, полных ненависти к немецким оккупантам. Ее слова жгли сердца людей. Крепче сжимались кулаки, разгоралась лютая ненависть, и люди шли на врага, били его всюду, вредили ему на каждом шагу. Взрывались на дороге машины, бесследно исчезали фашистские солдаты, загорались дома, где расположились гитлеровские офицеры, нарушалась связь. Голос агитатора звал людей на борьбу, на истребление немецких оккупантов всех до одного.

Четырнадцать селений обошла Лиза, разнося слова сталинской правды, вселяя надежду в наших людей, словно набатным колоколом поднимая их на борьбу за родную отчизну. Фашистские банды гнались за ней по пятам, но безуспешно. Народ скрывал свою героиню от врага, он готов был на все ради спасения ее жизни. Наконец, фашистским палачам удалось настичь беззащитную девушку на хуторе «Красное Покажище». Жителей поселка Купоровых — старушку мать, ее дочь Марусю, сына Васю — фашисты расстреляли на месте. Дом сожгли. Лизу отправили на станцию Пено. Гитлеровские звери пытали и мучили комсомолку, грозили ее убить, обещали даровать ей жизнь, лишь бы она сказала о своих товарищах, о партизанах. Напрасно — в лицо двуногих зверей смотрели глаза, полные ненависти и желаний мстить.

— Смерть вам, проклятые! — говорил этот взгляд.

Не добившись ни одного слова от Лизы, фашисты повели ее на расстрел. Девушку поставили у водокачки. И в ответ врагам в зимнем воздухе прозвучал ее мужественный голос: «Да здравствует мой родной Сталин! Смерть фашистским палачам!».

Раздался выстрел. Лизу ранили. И снова она подняла руку, снова над родными полями разнесся ее страстный призыв к борьбе. Раздались выстрелы. Лиза упала на обгаренный кровью снег, поцеловала землю и в последние минуты своей жизни снова бросила в лицо врагу лозунг своего народа: «Смерть немецким оккупантам! Да здравствует Сталин! Да здравствует победа!».

Разъяренные палачи бросились к комсомолке. Они терзали пробитое пулями тело, в котором уже угасла жизнь. Ее любовь к родине была сильнее смерти. Даже мертвая она была грозой для фашистского зверья. Трусливые захватчики не дали жителям похоронить Лизу — они боялись взрыва ненависти, вооруженной схватки с народом. Но прах Лизы унесли партизаны. Они похоронили комсомолку-героиню с воинскими почестями.

Кончилась жизнь простой советской девушки, верной дочери своего народа. Не сгибая головы, не дрогнув, прошла она через все испытания и умерла с именем Сталина на устах, с беспредельной верой в силы своего народа, в разгром и уничтожение врага.

Товарищи Лизы Чайкиной дорого отплатили фашистским извергам за смерть любимого вожака. На другой день в разных местах запылали девять селений в Жуковском сельсовете, где остано-

лись фашисты. Сотни немецких захватчиков были истреблены партизанами.

Слушай нас, молодежь всей страны! Обнажим головы, склоним боевые знамена перед прахом героини, сохраним навеки память о нашей замечательной подруге, о ее изумительном подвиге во имя родины. Лиза Чайкина бессмертна. Как не меркнет солнце, так никогда не померкнет слава верной дочери советского народа. Смерть ее зовет к мщению!

Пусть нашим ответом на подвиг советской девушки будут мощные, сокрушительные удары по врагу.

Истребим фашистских захватчиков всех до единого!

Смерть немецким оккупантам!

Одно слово

*Памяти героической комсомолки Ганны Козуба,
залученной в плену немецкими фашистами*

Ее допрашивал четвертый день подряд
Фашистский офицер, увешанный крестами.
Ей руки на спину выкручивал солдат,
Ее хлестала плеть, ее гноили в яме,
Но был упрямо сжат иссохший тонкий рот.
И только иногда страданья человечьи
Невольно выдавал руки слепой полет,
Глубокий тихий вздох да вздрогнувшие плечи.
Упрямый офицер сказал, что больше нет
Терпенья у него, что это лишь начало
Таких жестоких мук, каких не видел свет...
Но желтая, как воск, она в ответ молчала,
Угрюмый офицер схватил ее ладонь,
Склонился, хохоча, в насмешливом поклоне,
И вдруг, сигару взяв, прижал ее огонь
К бессильной, но тугой девической ладони.
Он знал, что режет нож. Он знал, что пламя жжет.
Но был все так же сжат иссохший тонкий рот...

Выплывавая кровь, она в ответ молчала.
Она полумертва. Вокруг нее лежат
Железные тиски... щипцы... ножи... оковы...
Но как же он смешон, весь этот жалкий ад,
Бессильный вырвать стон, бессильный вырвать слово!
Она полумертва, но кажется стальной.
Проклятье! Жуткий страх готов рвануться криком...
И он застыл, как вор, растерянный, смешной,
Стоящий пред судьей суровым и великим.
Не в силах отвести дрожащий свет свечи
От глаз ее больших, прожегших тьму подвала,
Фашистский офицер присел на кирпичи
И, в бешенстве дрожа, проговорил устало:
— Все ясно до конца! И ты сейчас умрешь.
Я сам тебя убью. Но повторяю снова,
Что, прежде чем поднять вот этот острый нож,
Я требую: скажи одно хотя бы слово.
Сиянием осветив подвальный черный свод,
Огромные глаза, как солнце заблестали,
И в первый раз открыв иссохший тонкий рот,
Всей силою души она сказала:
— Сталин!

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

Дорога в бесшумные

(Быль наших дней)

В девятнадцать лет много дорог в жизнь. У красивой синеглазой девушки, единственной дочери стариков Дроздовых, которую они ласково называли Настенькой, все было впереди.

Настенька стояла на развилке дорог в жизнь, когда разразилась война, и орудийный грохот звенящей дрожью отозвался в оконных стеклах колхозных домов. По ночам небо на западе полыхало зарницами залпов, а жаркими летними днями над окрестными холмами и перелесками, прерывисто гудя, будто трутни, кружили металлические хищники с крестами на крыльях и черным пауком фашистской свастики на хвосте.

Партизанский отряд харужевцев подался в бор за речкой.

Вместе с партизанами ушла она, секретарь сельсовета, Настенька Дроздова.

Ее назначили связной при командире отряда — председателе сельсовета. Он поручил ей поддерживать связь с партизанами соседних селений, заботиться о своевременном снабжении отряда продовольствием и предупреждать о появлении немцев поблизости от Харужево.

Настенька попевала всюду. Лесные тропы были знакомы ей с детства.

В Харужево она пробиралась на рассвете, едва над крышами начинали куриться белесые дымки: навещала стариков-родителей, утешая чахнущую в тоске и тревоге мать, напоминала степенному колхознику Трофиму Алексеевичу Соколову о том, что к полудню ждет его в условленном месте, куда Соколов отвозил партизанам хлеб своей выпечки, и спешила тропой вдоль речки на свидание с комсомольцем-связным второго отряда. Они обменивались новостями, и девушка отправлялась обратно, чтобы доложить о них командиру. Благодаря ей партизаны были в курсе происходящего не только в Харужево и ближайших деревнях, но и в городе, чью старинную крепость гитлеровцы осквернили разбойничьей эмблемой свастики.

Все окрест стонало от бесчинств и произвола оккупантов. Немецкие патрули шныряли по деревням, угоняли скот и увозили зерно, отбирали крупный картофель, а мелкий вываливали и втаптывали в осеннюю грязь, наслаждаясь видом жителей, на коленях ползающих по размытой дождями земле и выбирающих из нее рас-

сыпанные картофелины. Там, где население пыталось протестовать, горели дома, подожженные немцами, слышался плач детей и лились слезы женщин.

Немцам помогали изменники — несколько продажных шкур. Партизаны нещадно расправлялись с ними. Взбешенный этим немецкий комендант снарядил против партизан карательную экспедицию. Сопровождаемые полицейскими, каратели нагрянули в Харужево.

Девушка только успела справить очередные дела в деревне и на несколько минут заглянула к родным.

Резкий стук в окно прервал хлопоты Власьевны, обрадованно суетившейся вокруг дочки.

Настенька прильнула к стеклу и тотчас оглянулась на голос от двери:

— Немцы едут!

У порога, тяжело дыша, топтался старший сын Соколова.

Власьева запричитала.

— Не гомони, мать! — сурово проговорил старик Дроздов. — Далеко германцы, Ванюшка?

— За бугром! — переводя дыхание, ответил парень. — На мотоциклах.

— Поспевай, доченька, — поторопил старик. — Беги задами, пока время есть, а за нас не горюй. Мы свое отжили.

Девушка прижалась к всхлипывающей Власьевне, обняла отца и, сдерживая вскипевшие слезы, вслед за Ванюшкой выскочила на улицу.

Они свернули в шуршащие сухой листвой заросли кустарника у речки. Оттуда было удобно наблюдать за дорогой.

По ней, извиваясь змеей на поворотах, быстро ползла от города моторизованная колонна.

— Каратели! — определил Ванюшка, вынырнув из-под руки девушки. — С автоматами. И полицейский. Видишь?

Он показал на головной мотоцикл, достигший околицы деревни.

С мотоцикла сошли и, держа наготове автоматы, направились к избе Соколова двое: один в форме мышинного цвета — немец, второй в гражданской одежде с повязкой на рукаве.

Настенька попрощалась с Ванюшкой и поползла через заросли.

Ей посчастливилось незаметно для гитлеровцев, уже оцепивших деревню, пересечь поле между кустарником и бором. За первым деревом она поднялась и, заслышав далеко позади частую дробь автоматов, повернулась к Харужево.

Длинный пепельный столб дыма вздымался в безоблачное небо над крышей дома Трофима Алексеевича Соколова.

Вскоре она сидела в землянке, вырытой партизанами среди глухой чащи, и, не тая слез, докладывала командиру о приезде немцев, стрельбе в деревне и поджоге дома Соколова.

Партизаны, нахмурясь, молча слушали ее. Каждый думал об одном: о семьях, оставленных в Харужево. Было невтерпеж сознавать, что сейчас, именно сейчас, ничем нельзя помочь им: число карателей вчетверо превышало силы харужевского отряда, к тому же еще не все партизаны обзавелись оружием.

Командир осторожно опустил широкую ладонь на руку девушки.
— Слушай меня: лети во весь дух в соседний отряд, расскажи, что мне передала, и зови к нам. Надо сообща действовать. Сделаем засаду у большака.

Партизаны одобрительно зашумели.

— Возвращайся с подмогой, — напутствовал председатель.

Хруст валежника под ногами и мягкое шуршание оброненных осенним лесом листьев сопровождали девушку, заглушая крадущиеся вблизи шаги.

Настенька невольно вздрогнула, когда кто-то грубо схватил ее за плечо. Она покачнулась и, оборотясь, узнала своего однофамильца—Мишку Дроздова, известного всему району хулигана.

Из-за стволов сосен выдвинулись и вплотную обступили девушку гитлеровские молодчики.

— Вот и повстречались, Настасья Гавриловна, советская секретарша, — насмешливо протянул полицейский и с наглой бесцеремонностью обыскал ее. — Куда несешься, красавица?

— Вер ист да? — раздался вопрос.

Мишка услужливо посторонился, и Настенька очутилась лицом к лицу с немцем в офицерском мундире.

— Русская партизанка? — осведомился немец у предателя.

Полицейский подтвердил, и офицер, коверкая русские слова и суля наградить Настеньку, предложил указать, где расположен партизанский отряд.

Девушка молчала.

— Чего ломаешься? — прикрикнул Мишка. — Веди, куда приказано, если мать с отцом жалеешь. Не упрямствуй. Трофим Соколов доупрямничал.

— Его избу жгли? — тихо спросила она.

— И его заодно с бабой и щенятами пристукнули! — цинично похвастал полицейский.

Настенька ахнула. У Соколовых, не считая Ванюшки, было пятеро детей. Младшему недавно исполнилось три года.

— Идем, идем, русская! — нетерпеливо командовал гитлеровец, тыча в грудь девушки дулом револьвера.

Настенька, повинувшись, пошла вперед по лесной тропе.

Около часа она уводила карателей все дальше и дальше от землянки партизан, пока не вспомнила о заросшем кустами овраге, куда не проникал ни один луч дневного света.

Овраг был рядом, за огромной елью. Харужевская детвора в дни сбора ягод играла здесь в горелки. Ручьи давно прорыли путь у могучего дерева, размыв землю и обнажив корни на склоне

оврага. По корням было легко спуститься на затененное дно и укрыться за влажными кустами.

Решение созрело внезапно, едва девушка поравнялась с оврагом.

— Партизаны!—испуганно вскрикнула она и на глазах у ошеломленных немцев метнулась за ель.

Гитлеровцы враспынную ринулись с тропы и залегли за деревьями. Трескотня автоматов взбудоражила глубокую тишину.

Каратели оцепили овраг.

По знаку офицера полицейский спустился на дно.

Коротко щелкнул выключатель, и бледный луч карманного фонарика осветил Настеньку.

Стараясь скрыться от преследователей, она бесшумно ползла в гущу кустов, волоча простреленную ногу.

Полицейский изо всей силы пнул девушку и нагнулся над ней.

— Михаил Фролович,—горячо прошептала девушка.— Неужто всю совесть растерял и врагу покорился? Русский ты человек или нет?

Предатель, сквернословя, ударил ее рукоятью револьвера по голове и подозвал офицера.

Тот, спрыгнув в овраг, подбежал к ним.

— Покажешь дорогу, глупая девка? Или капут!

Настенька с трудом привсталала и прислонилась к мокрой стене оврага.

— А ты думал, проклятый фашист, что я вправду покажу тебе дорогу к партизанам? Они сами тебя найдут!..

Превозмогая боль, она выбила фонарик из руки полицейского и цепко ухватила предателя за горло.

Грянул выстрел.

Пальцы Настеньки разжались, и она без стога легла на сырое дно оврага.

Пуля навывлет пробилла девичье сердце.

Так умерла Настенька Дроздова, связанная харужевского партизанского отряда.

Время сгладит следы пережитого. На пепелище сожженных немецко-фашистскими оккупантами изб Харужево будут стоять новые колхозные здания. В лесу, за безымянной речкой, где погибла смертью патриотки Настенька, летней порой споют русские девушки задушевную песню, прославляя подвиг девятнадцатилетней партизанки, ушедшей в память народа по великой дороге бессмертия.

Быть может, и статней и краше
Других ты встретишь на пути,
Но девушек таких, как наши,
Во всей вселенной не найти.

Где конник звякнет стремями,
Где вихрь войны трубит трубой,
В шинелях серых рядом с нами
Идут девчата в смертный бой.

Когда палач ломает руки,
И путь на виселицу крут,
Они на гибель и на муки
Солдатской поступью идут.

Не горбят спину под снарядом,
И сквозь железную пургу
Глядят прямым и дерзким взглядом
В глаза жестокому врагу.

Кто видел молодость чудесней?
Чья ярче, радостней весна?
Уже сегодня стали песней
Их молодые имена.

Звонит курантами Кремля
Их верности стальная сила,
Благословенна та земля,
Что девушек таких взрастила!

Алексей СУРКОВ

ВАЛЯ

Тимофеева

Это — женщина, в присутствии которой мужчина не смеет не быть храбрым.

А сама она очень маленькая, худенькая, в больших красноармейских сапогах, брюках и гимнастерке не по росту, с закатанными рукавами.

Там, где закатаны рукава, руки у нее натерты до крови.

— Что ж, неужели поменьше формы для вас не нашлось?

— У меня была прекрасная своя, да разве на меня напасешься!

— Два раза меняла гимнастерку, — объясняет капитан, который был с нею в бою, — она ведь у нас за всех: и за хирурга, и за сестру, и за санитаров.

— А давно вы в армии?

— Давно, целый год. Так что я уже теперь старый военный, — и Валя Тимофеева улыбается своей милой улыбкой. — Меня год назад вызвали в военкомат и спросили: «Хотите в армию идти?». Я говорю: «хочу». «А ничего, что у вас дети?». «Но нет, — говорю, — ничего, что дети, все равно пойду». И пошла. А детей я у мамы оставила. Мама мне говорит: «Твое дело раненым помогать, а я уж сына воспитаю, не беспокойся». Ну, я и не беспокоюсь.

— А где вы учились?

— В Саратовской зубоврачебной школе.

— Вы же хирург?

— Нет, она зубной врач, — улыбается капитан. — Когда у меня в тылу бомбить стали, я попросил прислать врача. «У нас, говорят, только зубной». На худой конец хоть зубного. Тогда говорил: «на худой конец», а зубной-то врач таким золотом оказался, цены ей нет. Ни одного раненого через её руки не прошло, чтобы она его не перевязала, не обласкала, не утешила душевным словом. А когда к нам в тыл полка пробрались немцы, и мы отбивались от них, пока не пришли на помощь наши части, в эти дни она своими руками спасла не одну жизнь... Была сильная бомбежка, мы залегли в окопы, один не успел, его ранило шагах в сорока от нас. Оглядываюсь и вижу, что Валя Тимофеева вылезает из окопа на бруствер. «Куда вы, переждите, вас же убьют!». А она отвечает: «Если убьют, значит, убьют, а пока не убили, надо работать». И поползла вперед.

— И, как видите, была права, — перебивает Валя капитана. — Вот жива и здорова, только... — Лицо ее на минуту становится грустным. — Только он потом умер все-таки, раненый этот... Я, когда вылезла из окопа, кричу ему: «Где вы?». Он застонал. Я к нему. Подползла. Он услышал и говорит: «Милая, все-таки вы подползли ко мне». Я говорю: «Конечно, сейчас я вас перевяжу». А сама смотрю — у него шесть ран безнадежных. Но я решила, что нужно перевязать и вытащить его, чтобы ему последние минуты лучше было. Накрыла его сверху плащ-палаткой, потому что ночь темная и белое сразу видно, и под плащом перевязала ему грудь полотенцем. А он почувствовал, что полотенце, и говорит: «Что, доктор, смертельные, да?». Я говорю: «Нет, родной, опасные, но ничего, мы сейчас с вами обратно поползем». Он говорит: «Я не могу ползти с вами». — «Нет, говорю, ничего, сможете, я с вами все время вместе буду, потащу вас». А подняться было нельзя, кругом стреляют пулеметы. Но все-таки понемножку ползком притащила его в окоп...

— А вы еще расскажите, как вы других перевязывали, — перебивает ее капитан.

Капитан очень скупко говорит, как он сам с пятнадцатью людьми отбивался от роты немцев. Но, когда речь заходит о Вале, его молчаливость сразу исчезает. Ему хочется, чтобы широко стали известны все ее героические поступки.

— Нет, нет, вы расскажите, как вы еще с другими возились, — настаивает он.

— Ну, и с другими так же, как с этим, — говорит Валя. — В общем, кажется, ничего поработала. Обратного в зубоврачебный кабинет меня не будете отправлять, а, товарищ капитан?

— Нет, не будем.

— То-то, а то меня перед отъездом полковник брать не хотел. «Во-первых, говорит, вы женщина, а во-вторых, такая маленькая». А я еще до войны занималась и перевязкой, и всем, что здесь нужно. Так и думала: если будет война, не в зубоврачебном же кабинете мне сидеть. И правда, как война, и зубы у всех перестали болеть. Три дня мой кабинет пустовал, а на четвертый я его бросила.

Вот она стоит перед нами, маленькая женщина, в каске, гимнастерке и сапогах, неразлучная со своей медицинской сумкой, героиня отечественной войны, простая, веселая русская женщина из Саратова.

Действующая армия.

С. КОНСТАНТИНОВ

Одетая в серую походную шинель, туго затянутая в талии ремнем, обутая в тяжелые яловочные сапоги, она похожа на заправского военного. Светлые большие глаза смотрят строго и решительно. Открытое и прямое обветренное лицо дышит внутренним спокойствием.

Фронтовая жизнь многое изменила в характере и внешнем облике медицинской сестры Елены Жаворонковой. Многочисленные пациенты ее сельского врачебного участка в Полесье, где она работала акушеркой, с трудом бы узнали в этом военном человеке свою комсомолку Лену. Разве только выдали бы ее русые непокорные волосы, выбивающиеся из-под пилотки, да почти никогда не сходящая с лица брызжущая молодостью улыбка.

Боевое крещение Жаворонкова получила на одном из участков Западного фронта. Шли первые дни боев. Группе медицинских работников было поручено эвакуировать из прифронтовой полосы госпиталь. Лена работала, не покладая рук. Враг ночью стал бомбить госпиталь. Под градом свистящих осколков Жаворонкова бесстрашно перевязывала раненых, укладывала их с помощью подруг в машины.

В разгар боя во тьме Лена увидела лейтенанта с маленькой девочкой на руках. Ребенок был полураздет. Глаза его странно блуждали. На изорванной рубашке багровели пятна запекшейся крови. Сдерживая рыдания, лейтенант рассказал страшную быль. Проходя со своей частью через родную деревню, он зашел навестить свою семью. Но вместо дома он увидел руины. Фугасная бомба до основания разворотила избу, похоронив под обломками ее обитателей. Среди развалин лейтенант нашел убитыми жену и сына и обезумевшую от страха малолетнюю дочь. Врачи и сестры прекратили на мгновение работу,—так потряс их рассказ лейтенанта.

Лейтенант подал сестре ничего не понимающего ребенка и срывающимся голосом произнес:

— Клянусь тебе, дочь моя, я отомщу проклятым извергам за твою мать, брата и всех убитых женщин и детей!

Слова лейтенанта прозвучали грозной клятвой и для Лены Жаворонковой. Превозмогая подступавшие к горлу спазмы, проглатывая слезы, она дала обет: честно и самоотверженно работать на фронте. Сердце ее накалилось жгучей ненавистью к фашистским людоедам.

С тех пор прошло много времени. Но воспоминания той страшной ночи не стерлись. Они живы. Они заставляют чаще биться сердце, крепче сжиматься руки, они положили на лицо двадцатитрехлетней девушки еле заметные морщинки. Медицинская сестра Жаворонкова твердо выполняет свою клятву.

Дни на фронте идут грозные и напряженные. Вместе с ними к сельской акушерке пришли опыт и сноровка, решительность и умение действовать в любой обстановке. Боевые дела медсестры Лены Жаворонковой стали широко известны.

О простой девушке в серой шинели с любовью говорят на фронте и в тылу. Ее подвиг служит примером для тысячи медицинских работников Действующей армии. О ней взволнованно говорила в своем выступлении на женском антифашистском митинге в Москве прибывшая с фронта медсестра тов. Соколовская.

Чем же отличилась Лена Жаворонкова?

В районе города Ярцево немцы высадили десант. Под прикрытием ночи фашистские мерзавцы приблизились к полотну железной дороги и начали обстреливать его из минометов. Движение по железной дороге было прервано. Санитарный поезд с несколькими сотнями раненых, в котором ехала медсестра Жаворонкова, оказался отрезанным.

Немцы были совсем близко. Они заняли придорожный лес. В полночь, когда стрельба несколько утихла, большая часть раненых покинула эшелон и направилась в незанятые фашистами деревни. Вместе с ними ушла основная часть обслуживающего персонала эшелона. Лена осталась с шестью санитарями обслуживать 130 тяжело раненных. Их нужно было обеспечить медицинской помощью и вывести из вражеского окружения.

Длинный состав безжизненной громадой стоял на пути. Но в зеленых вагонах теплилась жизнь. Лена Жаворонкова непрерывно ходила по составу, делала перевязки, ободряла раненых ласковым словом, кормила, подавала воду. Фашисты могли в любую минуту напасть на эшелон. Находчивая сестра организовала охрану поезда. Не смыкая глаз, целые ночи дежурила сама.

Через три дня в эшелоне не осталось ни куска хлеба. Жаворонкова разыскала в соседнем эшелоне оставшийся вагон с мукой. На помощь ей пришли колхозницы из ближней деревни. Они пробрались к вагонам через лес ползком, принесли раненым бойцам молоко и ягоды и с радостью приняли предложение испечь хлеба и пирогов. Насыпав в наволочки муки, они незаметно ушли, а рано утром принесли свежий белый хлеб и румяные пироги.

— Теперь я прошу сварить нам суп,—сказала Жаворонкова колхозницам. Те охотно согласились.

Вечером к эшелону неслышно под'ехала крестьянская подвода. Возчик, бородатый, крепкий старик, двинулся вдоль вагонов и спрашивал у встречающих:

— Где бы увидеть девушку, что в шинели?

С посланцем колхоза Жаворонкова встретилась, как с желан-

ным гостем. Бородач навалил на телегу несколько ящиков с макаронами, и его подвода вскоре исчезла в ночном лесу. Ранним утром он появился у эшелона снова. На телеге стояли бидоны, наполненные горячим молочным супом.

— Ну вот и сварили,—говорил старик.—Ешьте на здоровье, поправляйтесь. Своим мы рады помочь всем, чем можем.

На исходе пятого дня к эшелону пришли три дружинницы. Они рассказали, что невдалеке находится советский полевой госпиталь; достаточно прорваться через вражеское кольцо, и люди будут вне опасности. Медсестра Жаворонкова решила во что бы то ни стало найти безопасную дорогу. Сделать это она вызвалась сама.

Раненые и санитары не хотели отпускать сестру. Они понимали, что риск был слишком большой. Санитар Иван Грушин настаивал:

— Пойду я. Меня ни одна немецкая собака не обнаружит. Я пролезу сквозь игольное ушко.

— Нет, итти нужно мне,—доказывала Лена.—Я переоденусь и пройду незамеченной.

Надев сарафан, повязав голову косынкой, комсомолка Жаворонкова отправилась утром в путь. С ней пошла одна из дружинниц по имени Паша. Они пробирались глухими лесными тропами, старались держаться подальше от больших дорог. В деревни заходили лишь на ночевку.

— Вблизи одного села,—рассказывает Жаворонкова,—нас окликнула женщина. Мы подошли к ней. Она была тяжело ранена и не могла подняться с земли. Рядом с ней в луже крови лежала ее раненая дочь. Мы оказали им помощь и быстро направились дальше.

Не успели они пройти и пяти километров, как с воздуха на них набросился фашистский стервятник. Он снизился и стал на бреющем полете обстреливать из пулемета беззащитных женщин. Жаворонкова и ее спутница спрятались в кустах и стали пробираться дальше лесом.

В лесу они встретили колонну советских автомашин, которая и доставила их до места.

Беспокойное сердце бьется в груди комсомолки Лены Жаворонковой. Не успев как следует отдохнуть, она потребовала немедленно предоставить для перевозки тяжело раненных автомашины и отправилась вместе с ними.

Петляя по многочисленным проселочным дорогам, двадцать автомашин день и ночь пробивали себе путь к санитарному эшелону. Не один раз водителям машин приходилось вступать в схватки с врагом, строить и чинить мосты. И всюду их сопровождал звонкий, зовущий голос девушки в шинели.

Рейд медсестры Жаворонковой был удачным. Она благополучно провела машины к эшелону и вывезла всех сто тридцать раненых в глубокий тыл.

Фронтная жизнь открыла перед сельской акушеркой новые страницы. Комсомолка Елена Жаворонкова стала доблестной героиней любимой отчизны.

Военврач Бурцева

В избе тепло. Керосиновая лампа тускло освещает окна, завешенные байковыми одеялами. Вокруг ряды носилок на деревянных подставках и лица раненых.

— Смоленск... Взять обратно Смоленск! — произносит в бреду боец, раненный в голову.

Лицо его кажется детски-беспомощным от белых бинтов, покрывающих голову.

Военврач тов. Бурцева беспокойно поворачивается. Ей хочется подойти к бойцу, но она не может оставить раненого, которому переливает кровь. Третий день Бурцева бьется за жизнь раненого в легкое.

— Братки! — вдруг снова кричит раненный в голову. — Братки, вызволяйте Смоленск, родину вызволяйте!

Бурцева думает, что много раненых за месяцы войны прошло через палатку 104-го медсанбата одной из гвардейских дивизий. И у всех у них в бреду или в сознании одна мысль: «Победить! Вот что бы то ни стало победить врага».

Боец открыл глаза.

— Дорогой товарищ! — обрадовалась Бурцева. — Как вы себя чувствуете? Мы вам перелили кровь девушки-работницы. Хорошая девушка: на военном заводе работает, норму перевыполняет...

— Зря стараетесь, — с трудом произнес боец. — Не жилец я.

— Да что вы?! Еще как жить будете!

Боец закрыл глаза, ничего не ответив.

— Сестра, позовите доктора Хайновского, — попросила Бурцева. Сестра, молча кивнув головой, ушла.

Через некоторое время бойца осматривали два врача. Они, посоветовавшись с Бурцевой, предложили еще целый ряд лечебных мер для спасения его жизни.

Бурцева не отходила от больного и добилась, что пульс его стал ритмичнее. Осмотрев остальных раненых, она дала указания сестре и ушла. Через некоторое время она снова появилась в палатке и, тревожно прислушиваясь к дыханию раненых, считала толчки их сердец.

— Анастасия Степановна, вы бы отдохнули! Ведь завтра опять много работы, — просила ее сестра.

Прошла неделя, и тяжело раненные, о которых она так заботилась, окрепли, и их можно было эвакуировать в госпиталь.

— А вы говорили, что не жилец на этом свете! — напомнил

она бойцу, раненному в легкое. — Подождите, война кончится, женитесь — детки будут.

Боец улыбнулся. Ему было девятнадцать лет, и он никак не мог представить себя отцом.

— Это вы, мамаша, постарались! — сказал он.

Бурцевой 34 года. Имя мамаша она заслужила за материнскую заботу о бойцах. Когда она улыбается, лицо ее молодеет, глаза по-особому тепло и радостно смотрят на бойца.

Да, она ухаживает за ранеными, как настоящая мать. Дни и ночи проводит около их постелей. Тяжело больным она сама приготовляет пищу — варит бульон, кисель, месит и печет хлеб. Радуетя по-матерински, когда «безнадежного» поставит на ноги, как будто действительно родного сына вырвала из когтей смерти.

Воздух спиралью ворвался в открытую дверь избы. На носилках внесли женщину с ребенком. У женщины было тяжелое ранение в живот.

— Ребенок до чего занятный: всем улыбается, кто его приласкает, — сказал санитар.

Прочитав карточку раненой, Бурцева стала сразу серьезной. Снова началась борьба за жизнь доверенного ей человека, но на этот раз ей не удалось победить. Девочка осталась без матери.

— Сирота... — кто-то пожалел ребенка.

— Ну, сиротой она не будет в Советской стране. В детдоме ее воспитают.

Немного подумав, Бурцева решила: «Как ни хорошо в детдоме, а мать все-таки нужна Шуре».

— После войны я возьму ее в дочки, — твердо произнесла она. Все согласилось, что лучшей матери Шуре не найти.

Ночью Бурцева гнала прочь воспоминания о своей жизни, но они назойливо рисовали ей пережитое: бессонные ночи жизни в няньках, обиды, побои... Вот такую жизнь пытаются навязать советским женщинам фашисты. Нет, не отдадут советские люди своей свободной жизни, где каждому открыты пути к счастью, творческому труду!

За восемь лет Анастасия Степановна прошла большой путь. Начав с кружка ликбеза, она окончила высшее учебное заведение, получила диплом врача. После окончания университета она посвятила свою жизнь заботе о бойцах Красной Армии. В дни отечественной войны ее место в госпитале, на передовых линиях фронта. Она всю себя целиком отдала служению родине, спасению жизней раненых бойцов.

Друзья, вы говорили о героях,
Глядевших смерти и свинцу в глаза.
Я помню мост,
 сражение над рекою,
Бойцов, склонившихся над раненой сестрою.
Я вам хочу о ней сегодня рассказать.
Как описать ее?
 Обычная такая.
Запомнилась лишь глаз голубизна.
Веселая, спокойная, простая.
Как ветер в жаркий день являлась нам она.
Взглянули б на нее, сказали бы: девчонка!
Такой на фронт? Да что вы! Убежит.
И вот она в бою, и мчатся пули звонко,
И от разрывов воздух дребезжит.
Усталая, в крови, в разорванной шинели,
Она ползет сквозь бой, сквозь черный вой свинца.
Огонь и смерть проносятся над нею,
Страх за нее врывается в сердца,
В сердца бойцов, привыкших храбро биться.
Она идет сквозь смертную грозу,
И шепчет раненый:
 — «Сестра моя, сестрица,
Побереги себя, Я доползу».

Но не боится девушка снарядов.

Уверенной и сильною рукой

Поддержит, вынесет бойца,

и рада,

И отдохнет чуть-чуть и снова в бой.

Откуда в маленькой, скажите, эта сила?

Откуда смелость в ней, ответьте мне, друзья,

Какая мать такую дочь взрастила?

Ее взрастила родина моя.

Сейчас мы говорили о героях,

Глядевших смерти и свинцу в глаза.

Я помню мост,

сраженье над рекою,

Бойцов, склонившихся над раненой сестрою,

Я вам хочу о ней сегодня рассказать.

На том мосту ее сразил осколок.

Чуть вздрогнула она, тихонько прилегла,

К ней подошли бойцы,

она сказала: «скоро»...

И улыбнулась нам, и умерла.

Взглянули б на нее, сказали бы: девчонка!

Такой на фронт? Да что вы! Убежит.

И вот грохочет бой, и мчатся пули звонко,

В земле, в родной земле она теперь лежит,

И имени ее узнать мы не успели.

Лишь взгляд запомнили,

светивший нам во мгле.

Усталая, в крови, в разорванной шинели,

Она лежит в украинской земле.

Мне горе давит грудь, печаль моя несметна,

Но гордость за нее горит в душе моей.

Да, тот народ велик,

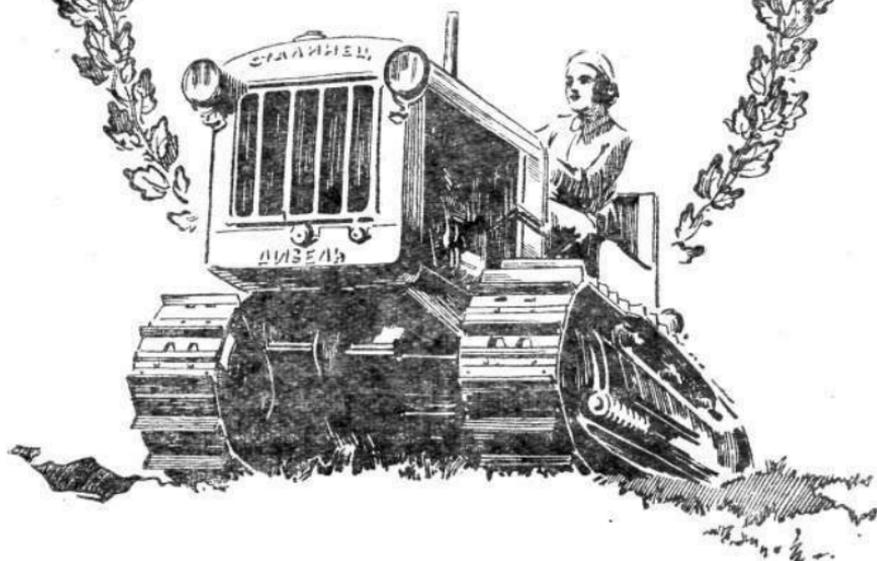
и та страна бессмертна,

Которая таких рождает дочерей.

Так пусть по свету пролетает песня,
Летит во все моря, звенит в любом краю,
Песнь о моей сестре,
 о девушке безвестной,
Отдавшей жизнь за родину свою.

ВИКТОР ГУСЕВ

Героини
труда

...Баррикады воздвигали у взморья, на заставах, на улицах и площадях. Это была грозная пора, когда враг подвигался к воротам Ленинграда.

В те дни на стройке передового, огневого рубежа особенно отличалась женская бригада землекопов. Начальник строительства оборонительных укреплений военный инженер первого ранга Бугров говорил нам о них:

— Это мои лучшие помощники, моя опора—любое задание им по плечу.

Мы видели эту бригаду за работой. 30 женщин, орудуя ломami, кирками, вгрызались в тяжелый, каменистый грунт, сооружая противотанковый ров. Рядом со студенткой Института народов Севера Раисой Громовой работали инспектор конторы Госбанка Галина Кулькова, работница «Союзутиля» Пелагея Маслова. Казалось, они не знали усталости, работа кипела, спорилась в их руках.

Высокая женщина по доске выкатила на земляной вал полную тачку камней. Прежде чем снова спуститься в ров, она на минуту остановилась, чтобы поправить выбившуюся из-под платка седую прядь волос. И в движении ее руки—решительном и быстром—нам почудилось что-то знакомое. Женщина повернула лицо. Ну, да! Мы уже встречали эти глубокие глаза, открытый с продольными морщинами лоб, знакомой была складка у рта. Да, это была Прасковья Бессонова—старая ленинградская работница и партизанка, проводившая недавно на фронт пятерых своих сыновей.

Бригада уже заканчивала задание. Осталось выкопать несколько кубометров грунта. Вдруг раздался орудийный выстрел. Снаряд разорвался неподалеку, расщелив старую сосну. Второй снаряд упал еще ближе. Несколько женщин с криком бросились в стороны.

— Спокойно, товарищи! Без паники! Всем укрыться в траншеи. Голос Прасковьи Бессоновой прозвучал на этот раз громко и властно.

Через полчаса бригада в полном составе продолжала строить огневой рубеж. Задание к концу смены было закончено.

Мы встречались с Прасковьей Бессоновой во время героической обороны Ленинграда не раз. Эта простая работница, рядовая русская женщина стала подлинной героиней ленинградской эпопеи.

Фронту нужны были снаряды. Много снарядов! Их должны были дать сами ленинградцы. Прасковья Бессонова пришла на завод и обучилась работать на станке. Она стала передовой стахановкой. Ей давали задание—выточить 30 деталей за смену. Она давала 60 и при этом говорила:

— Приналягу и дам больше!

Всю свою жизнь, все свои помыслы в эту грозную годину она посвятила служению родине. Всей душой отдавалась она любому делу, способствующему победе над врагом.

В холод и стужу дежурила она у ворот, охраняя от вражьи лазутчиков свой дом. По вечерам, придя с завода, при скудном свете маленькой керосиновой лампы вязала она носки и перчатки для фронтовиков.

Ни воздушные налеты, ни снаряды, которые посылал на город враг, не могли поколебать волю этой славной патриотки, не могли сломить ее сил. Нередко в темные зимние ночи приходилось ей ползком добираться до завода. Тяжело били орудия, где-то совсем рядом, на заводском дворе, разрывался снаряд, а станок Прасковьи Бессоновой ни на минуту не останавливал свой стремительный бег.

Фашистские изверги в своей дьявольской злобе решили взять город измором, задушить голодом женщин, стариков, детей.

Стойко переносила все невзгоды Прасковья Бессонова. Довольствуясь порой лишь куском хлеба, она продолжала работать в цехе, и только еще сильнее становились ее ненависть и ярость к врагу.

И настал час расплаты. Красная Армия гонит врага со священной советской земли. Недалек уж этот день, когда героические войска отбросят фашистских захватчиков от славного города Ленина.

...Встает над Ленинградом раннее утро. Еще немногочисленные широкие проспекты. С ночной смены возвращается домой Прасковья Бессонова. И снова проходит она мимо Таврического сада, мимо Смольного, окидывая взглядом любимые уголки родного города. Сердце ее наполняется радостью:

— Не отдали! Не отдадим!

Свежий мартовский ветер треплет концы ее платка, развеивает нолы старенького пальто. И идет она с гордо поднятой головой—женщина города Ленина, работница и партизанка, мать пятерых бойцов—Прасковья Бессонова.

С. ВИНОГРАДОВА
Л. БОРОДКИН

Боевые подруги

Мы плакать не будем от новой разлуки,
Мужей провожая в поход.
Нужны молодые, проворные руки.
В суровые дни, боевые подруги,
Пусть каждая дело найдет.

Чтоб наши станки без работы не стали,
Чтоб убраны были поля,
Дадим для страны больше хлеба и стали—
Всего, чем богата земля.

Мы с фронтом единым дыханием дышим,
Мы бьемся, как сердце одно.
Сражаться, работать, беречь ребятешек
Нам общее право дано.

Мы дружно пойдем в боевые отряды,
Взяв сумки под красным крестом.
И дома быть смелой и сильною надо
В обыденном, в самом простом.

Мы плакать не будем от новой разлуки,
Мужей провожая в поход.
Нужны нашей Родине твердые руки.
В бою и в тылу, боевые подруги,
Пусть каждая дело найдет.

З. АЛЕКСАНДРОВА

Фронтová Бригада

В октябре 1941 года, когда гитлеровские полчища рвались к Москве, тяжелые «юнкерсы» с паучьей свастикой по-воровски проскальзывали к столице, сбрасывали фугасные и зажигательные бомбы на жилые здания, на больницы, родильные дома, Таня Сарнакова работала бухгалтером в райисполкоме. Иногда, откладывая работу, под орудийный гул задумывалась и мрачнела.

Тогда ее спросили:

— Что, Танюша, боишься?

Она подняла голову и сказала:

— Боюсь, что я не на своем месте.

Спрашивающий недоуменно протянул:

— Как не на своем месте? До сих пор на своем была. Ты каждую копейку бережешь...

— Да я не о том,—перебила Таня и пояснила: — На завод, на производство пойти хочется, работать так, чтобы фронту что-то осязательное дать. А тут инвалид справится.

И она, подписав последний баланс, ушла на производство.

Завод сначала ошеломил ее мощью машин. Было как-то не по себе проходить мимо движущихся механизмов, мимо выющейся, сползающей от станков на пол металлической стружки, и размеренный гул станков казался ей величественным и грозным. Но она взяла себя в руки и быстро освоилась со звоном металла, с быстрым движением механизмов, а уже через несколько дней стояла у револьверного станка ученицей. Двадцать дней ей потребовалось на освоение станка, на приобретение навыков, приемов, и после этого ей поручили самостоятельную работу.

Она зажимала деталь, подавала суппорт, подводила резцы и через четыре и четыре десятых минуты, ровно в установленное планом время, снимала деталь со станка. Но сто процентное выполнение плана не могло удовлетворить Таню. Другие давали больше, и фронт требовал продукцию. Таня день за днем с упорством и настойчивостью совершенствовала приемы, отработывала движения, и выполнение производственного плана неуклонно шло вверх. Ее показатель дошел до 130 процентов и без брака.

— Молодец девушка! — хвалили ее старые рабочие и мастера.

В январе комитет комсомола подсказал:

— Таня, как ты думаешь насчет организации фронтовой бригады?

Она ответила:

— Войду и буду работать так, как этого требует фронт.

— Нет, не «войду», а ты организовать должна.

Таня согласилась.

Женя Роголева работала на менее ответственной операции, но она видела, как работает Таня, и однажды уверенно сказала мастеру:

— Я справлюсь с более точной работой.

Мастер ответил:

— Ладно, попробуем.

И вдумчивая Женя скоро освоила более сложную операцию. Таня предложила ей:

— Хочешь работать во фронтовой бригаде?

Женя уже знала, что фронтовые бригады организованы на одном из передовых заводов Москвы, и она ответила, не задумываясь:

— Хочу.

Потом Таня пригласила в бригаду Шуру Кузнецову, Грачева и Булычева. Ребята отшучивались:

— Девичье засилье — три к двум, — не пойдем: вы рта не дадите разинуть нам.

Таня отвечала на шутку шуткой:

— А для чего вам рты разевать? Что вы, ворон ловить собираетесь?

И бригада заняла свое место. А Таня уже по-серьезному предупреждала:

— Быть во фронтовой бригаде — это все равно что на фронте. Там все помыслы и действия к уничтожению врага, здесь все должно быть сосредоточено на производстве. И сформированная бригада дружно ответила:

— Есть сосредоточиться на производстве, все для фронта!

Бригада с первых же дней заняла ведущее место в производственной жизни завода. Члены бригады стали заботиться не только о собственной выработке, но и о выработке каждого из них. Взаимопомощь и выручка в работе, как и взаимопомощь и выручка на фронте среди бойцов, стала в бригаде законом. И если разладилась работа у одного, — ему помогает другой.

Они монолитны в своем стремлении к цели, в труде, который приближает разгром врага. И уже одно это сказалось на выработке каждого в отдельности и бригады в целом. Процент выработки плана теперь нередко доходит до двухсот. Но не только этим определяется лучшая работа бригады. Бригада объявила строжайшую экономию материалов и проводит это мероприятие в жизнь, экономит смазочные масла, обтирочные материалы, моторы на холостом ходу не работают. Отходя от станков, все обязательно выключают местное освещение, правильно используют режущий инструмент. Свои станки держат в постоянной и завидной чистоте, предотвращая поломку и уменьшая износ механизмов.

Тая организовала сбор металлического лома — в результате восстановлены несколько коленчатых валов, напильники, резцы и много других машинных частей и инструментов; некоторые из них отправлены в МТС, часть использована на заводе.

Несмотря на большую производственную загруженность, члены бригады выполняют различные общественные поручения: ведут профсоюзную работу, редактируют стенгазету, регулярно дежурят в подшефном госпитале у раненых бойцов, занимаются военной подготовкой и дома находят время читать, пополнять знания.

И с этой молодой, полной юношеского задора и благородства производственного порыва бригада берут уже пример другие рабочие. Она стала известна далеко за пределами своего завода.

Одно неотступное горячее желание руководит бригадой — дать фронту как можно больше вооружения и боеприпасов.

Сталь обработанная, твердая и зеркальная, мирно и безобидно лежит около станков; но эта сталь будет сеять смерть, будет превращать в пыль фашистских зверей на фронте. Члены бригады знают это хорошо. С партиями своей продукции, отправляемой на фронт, они пицут письма бойцам: «Дорогие товарищи, мы, фронтовики производства, с вами спаяны неразрывно, мы — одно целое и нераздельное. Давайте же бить врага вместе».

И бойцы отвечают:

«Спасибо за продукцию».

— Есть спасибо за продукцию, — говорит бригада, — мы оправдаем фронтовое спасибо.

Н. ГОЛИЦЫНСКИЙ

Ветер Зои Ганиной

Родной город остался позади. С узелком Зоя шла следом за сотнями таких же, как она сама. Где-то сзади гремела канонада. Ветер доносил запах гари.

Это—последнее, что запомнилось о месте, где прошли детство, чудесные годы юности.

У самой околицы девушка оглянулась и, до боли сжав зубы, пошла дальше. Вот такая, со сжатыми зубами и с застывшей ненавистью в глазах, прошла она нелегкий путь в глубь страны. Ненависть заслоняла все остальные чувства, придавала силу в минуту усталости.

На другой же день на новом месте Зоя Ганина пришла в горком комсомола.

— Хочу работать. Где больше всего люди нужны?

По специальности Зоя учительница. Секретарь собрался позвонить в отдел народного образования. Нет, она сейчас не пойдет в школу. Учительский стаж ее очень невелик, и она уверена, что больше пользы принесет на заводе. И потом ей необходимо знать, что она каждый день дает что-то фронту. Без этого нельзя жить. Секретарь понял.

Молчаливую, старательную девушку быстро заметили в цехе. Уже через несколько дней токарь Филипчук дал ей снять черновую стружку с медной болванки. Он видел, как раскаленные стружки попадали на нежные девичьи руки, оставляя ожоги. Зоя будто и не замечала их. Удивила мастера и уверенность, с которой девушка управлялась с супортом.

— Из этой выйдет толк,—сказал Филипчук.

Наметанный глаз специалиста не обманул. Очень скоро Ганина стала заправским токарем. На доске показателей каждый день появлялась новая, более высокая цифра выработки: 120, 150, 200, 240 процентов. Зоя работала для фронта.

Комсомольская организация была довольна. Администрация несколько раз выносила ей благодарность за отличную работу. И лишь один человек был недоволен Зоей. Он считал, что сделано мало. Этим человеком была сама Зоя.

— Чего тебе надо?—пожимал плечами сосед по станку Михаил Вязьмов.—Десяток старых токарей обогнала...

— Ничего ты не снимаешь,—хмурила брови Зоя.—Ты не видел ничего, вот и понять не можешь.

Но Михаил понимал, как понимали все в цехе. Когда Зоя сжимала губы, и серые глаза ее зажигались неумемной злобой, друзья

знали, что она вспоминала дом, погибшую семью, разрушенный и сожженный фашистами город. 240 процентов—разве это все, на что способна ее ненависть, ее жажда мести? Нет, этого мало!

Когда заболел сменщик Зои, она работала за двоих, отказывалась уходить из цеха, пока не будет сделано все, что за день можно сделать на станке.

Но по-настоящему довольной, совсем счастливой Зою видели только дважды. Однажды девушку вызвал директор. Через полчаса она вернулась раскрасневшаяся, с сияющими от радости глазами. Оказывается, на завод пришло письмо с фронта. Бойцы благодарят за хорошую продукцию, обещают щедро и метко угощать немцев смертоносными гостинцами и просят коллектив рабочих увеличить их выпуск.

В тот день Зоя дала пять норм.

Недавно Советское Информбюро сообщило об освобождении от оккупантов города, где жила Зоя. В обеденный перерыв Ганина вместе со всеми рабочими прослушала дневные известия, потом отошла к своему станку и, спрятавшись за инструментальный шкафчик, разрыдалась.

— Первый раз за все время,—виновато улыбалась она сквозь слезы.—От горя не плакала, а вот радости не выдержала.

Ярославль

А. ЧЕРТОК

Девушки

Есть девушки в стране моей
Свежее вешних пашен,
Кавказских горных рек смелей
И русских яблонь краше.
Такой по сердцу труд любой,
По росту непогода.
Пойдет она и в цех и в бой,
Дочь русского народа.
Вот движутся бойцы вперед,
Вздымая ветер гулкий,
В рядах их девушка идет

С крестом сестры на сумке.
Такая сможет шлем достать,
Надеть стальные латы.
Такая отодвинет вспять
Врага с земли богатой.
Зарницы на небе цветут,
Стоят леса грозою.
Как много раз встречали тут
Мы Лизу или Зою.

Есть девушки в стране моей
Огня и солнца пламенной.
Часы размеренно текут.
Шуршит струя металла.
На фронте токарь, а к станку
Его подруга встала.
Такой любитесь народ—
Она ловка, умела,
В ее руках кипит, поет
Ей дорогое дело.
Она быстра и весела,
Как ветер в буйный полдень.
Она любимица села,
Комбайны в поле водит.
И под ее родной рукой
На ровный, на степной покой
Сугробами ложится
Кубанская пшеница.

Есть девушки в стране моей
Свежее вешних пашен,
Кавказских горных рек смелей
И русских яблонь краше.
Да разве не пойдет вперед,
Нигде не отступая,
Боец, кого отчизна ждет
И девушка такая!

Е. ШЕВЕЛЕВА

Мать троих бойцов

Вглядываясь в молоджавое, оживленное лицо лудильщицы Кирсановой, с трудом веришь, что ей больше сорока лет и что она мать троих бойцов, из которых двое—командиры и с первых дней войны сражаются на фронте. Завод, на котором она работает, выпускал до войны вполне мирную продукцию, а теперь изготавливает боеприпасы для фронта. Сама Кирсанова еще недавно была разливальщицей, но, когда заводу потребовались рабочие новых квалификаций, она первой решила стать лудильщицей.

— Профессия эта трудная, с кислотой придется дело иметь,— говорил ей механик цеха.

— Я на свое здоровье надеюсь,— ответила Кирсанова,— да и не к лицу мне здоровье беречь, когда три моих сына жизни своей не жалеют на фронте.

Работа сначала не ладилась, но постепенно стала идти лучше. Кирсанова уже перестала бояться брака—перетравки железа. Выполнение ее нормы уверенно поднималось к 200 процентов.

...Шестерых детей вырастила Кирсанова. Из них четверо—сыновья. Старшему, Косте, сейчас 24 года. Восемь лет назад, когда умирал муж, Костя был подростком. Отец наказывал ему помогать матери, а ей на прощанье сказал:

— Не горюй, Наташа, что с кучей ребят остаешься: не старое время—советская власть поможет тебе вырастить их.

И советская власть действительно помогла осиротевшей семье: Кирсанова получала пенсию за мужа, пособие на детей. А когда ребята немного подросли, она пошла работать сначала на ткацкую фабрику, по своей старой специальности, а потом сюда, на завод.

Крепкими, один к одному, подрастали дети. Первым пошел работать слесарем на завод Костя, за ним—Саша, а там—и дочка Валентина. В доме все заметнее чувствовался недостаток. Старшие уже вступили в комсомол, а младшие, пионеры, учились. Не отстала от них и мать: подала заявление о приеме в партию и была принята кандидатом в члены ВКП(б).

Дружно жила семья. Попржежнему любимцем не только матери, но и младших сестер и братьев был старший—Костя. В семье гордились им. Без отрыва от производства он окончил летную школу. Часто, прислушиваясь к далекому гулу пропеллера в небе, мать радостно думала: «Не наш ли Костя там летает?»

Но вот неожиданно пришла война, принесла разлуку с сыновьями.

— Я знаю, ты не будешь плакать, мама,—сказал ей на про-

данье Костя.—Мы с тобой коммунисты и знаем, за что боремся. Я почему-то уверен, что останусь жив, но если придется жизнь отдать в бою, знай, что отдам ее не дешево: защищать буду самое дорогое—родину, свободу, всех вас!

И мать не плакала. Не омрачила слезами она и минуты расставания со вторым сыном—зенитчиком Сашей. Этот, прощаясь, сказал ей:

— От Кости не отстану! Буду крепко бить фашистов из своей зенитки.

И только когда вслед за старшими двумя собрался добровольцем на фронт и третий, 17-летний Анатолий, у матери на секунду дрогнули губы. Хотела остановить, удержать: ведь молод очень, мальчишка совсем. Но и тут промолчала.

— Тебе тут с ребятами Валя поможет, — говорил сын. — А я пойду за братьями: не могу иначе!

— Понимаю, сынок, — ответила ему мать. — Не тебе меня уговаривать: коммунистка я.

Так и осталась с Валентиной и двумя младшими. Часто с тревогой поглядывала она на самого меньшого, 14-летнего: «Как бы и этот не ушел тайком». Но пионер бежать не собирался, а наоборот, помогал матери: ходил в магазин за продуктами, в булочную за хлебом, прибирал в комнатах.

В упорном стахановском труде проходили дни. На дальних подступах к Москве шли ожесточенные бои за столицу. Кирсанова поехала с бригадой заводских работниц рыть противотанковые рвы под Москвой.

Соревнуясь с мужской бригадой, женщины работали на совесть. Задание было выполнено досрочно.

Возвратившись в Москву, Кирсанова вместе с другими активистками занялась организацией новогодних подарков бойцам. С любовью думая о незнакомых воинах Красной Армии, она все чаще вспоминала о своих сыновьях: «Что-то давно не пишут все трое, даже Костя. А уж он-то всегда напишет, если есть хоть минутка свободная».

Только успели в семье Кирсановых вдоволь порадоваться вести о разгроме фашистских полчищ под Москвой, как пришла другая радость—письмо от Кости. Он поздравлял семью с победой Красной Армии и уверял близких, что недалек тот день, когда на родной земле не останется ни одного фашистского гада.

«Заодно поздравляю и с новым, 1942 годом, — писал Костя. — Верь, мама, что в 1942 году мы с победой закончим войну с гитлеровскими бандами. Очистим от них родную землю, вернемся домой и проживем счастливо. А пока этот день еще не пришел, будем драться, не жалея жизни, а вы в Москве работайте, не покладая рук. Я и мой ястребок вызываем тебя на соревнование. Гляди, не подкачай!».

«Уж не подкачаю», — думает лудильщица Кирсанова, заботливо поворачивая в кислоте железные листы.

Она вспоминает свое обязательство, взятое ею на митинге: ответить на разгром фашистских захватчиков под Москвою выполнением нормы на 250 процентов.

«Вчера дала две с половиной нормы, а сегодня надо дать больше. Ведь если еще больше постараться, то и до трех норм удастся дотянуть»,—решила она.

Давно в ее работе учтена каждая минута, но Кирсанова стремится работать еще быстрее. Мысль о сыновьях удваивает ее силы. Ей хочется, чтобы по окончании смены мастер записал на доске выполнения против ее фамилии ну хоть бы пока 270 процентов.

Изо дня в день ведет упорную борьбу за каждый лишний процент выполнения нормы стахановка-лудильщица Кирсанова, мать троих бойцов. Вместе с сыновьями она борется за полную победу над фашистскими захватчиками.

Е. ЧЕРНЫШЕВА

Земля... степь просторна, широка, неоглядна под серыми облаками поволжской весны. Черные, поднятые плугом поля, рыжая колючая щетина прошлогоднего жнивья,—все жадно ждущее трудовых дел человека. Многие мужчины ушли на войну. Где он, крепкий, прославленный тракторист, выводивший на лиловую весеннюю пахоту своего стального конягу? На юге или на севере водит он теперь танк, узнав иную страду и иную весну на жестком поле войны. У пулемета или, может быть, отправляясь в очередной боевой вылет, встречает вчерашний колхозник это холодное начало весны... Не один раз, обращаясь к героическим делам родного народа, вспомним мы нашу женщину, простую колхозницу, с мужеством и душевным величием заменившую мужчину в его труде на земле. Как перечислить имена этих славных, еще с полудетским овалом лица, семнадцати- и восемнадцатилетних девчонок, которые сели впервые на трактор и уже поражают повидавших на своем веку бригадиров?

Свежий волжский денек стоит над пахотой, над винно-пахнущей, только-что поднятой плугами землей. Черные дрозды сидят на высохших стеблях прошлогодних подсолнухов. Сильный, ни на минуту не утихающий ветер дует над степью, и стеклянные испарения стремительно бегут над ней, и степные миражи обманывают глаз озерами, рощами и видениями далеких селений. Сеять, сеять... тысячами набегают эти гектары земли, жадно ждущие всходов поля, как бы испытывая: сумеют ли в эту весну их засеять?

Серые вагончики трактористок, как сторожевые башни на степи, стоят возле темных развороченных пашен. Тракторы ползают навстречу друг другу, и все меньше становится прошлогоднего рыжего жнивья, и растет благородная чернота развороченной земли, готовой к плодородью.

У обочины поля, точно на командном пункте, в полинявшем до лиловой красноты кожаном пальто, в зеленых рукавицах, с обветренным степным ветром лицом, стоит она, красноармейская жена Иванова, ныне председатель колхоза. Два трактора движутся навстречу друг другу. Да, обгоняет проворная девчонка с закопченным, измазанным маслом лицом, и парнишка на втором тракторе отстает от нее, как ни старается гнать свою большую машину. Кто мог только думать, что станет безвестное имя Насти Егоровой знаменитым в колхозе, что даны ей эти способности и упорство характера, и даже придирчивый бригадир Спиридон Иванович должен признать, что лежало это золото в деревне под спудом и выдала его на поверхность война из великих недр народа.

В суровой решимости собрались красноармейские жены в холодный весенний денек. Надо было начинать сев. Впервые на них, на их женские руки возлагала ответственность и надежды страна. И красноармейская жена Иванова, председатель колхоза, сказала:

— Должны мы справиться с этим делом, товарищи. Враг, конечно, надеется, что мы не осилим. Враг, конечно, думает, что не справятся женщины. Но он еще наших женщин не знает.

Она сказала так, и все стали очень серьезны.

И вот уже ползают тракторы по степи, и до самого горизонта чернеют вспаханные поля, и ни одна из этих женщин не ушла на ночь в пору сева домой, и тонкая морщинка решимости легла между бровей девушек, еще полгода назад не знавших, как взобраться на трактор. Великая сила народа пришла в действие. Великий его дух, как во всю его историю, поднимает людей на борьбу, и борьба его здесь, на земле, так же величественна, как и на поле войны.

В вагончике трактористок после злого степного ветра были тишина и тепло. Работавшие ночью отдыхали на парах. Всю ночь водили эти девушки тракторы по степи, всю ночь при неверном свете, едва различая жнивье, запахивали они землю. Рано утром, на холодном рассвете, пойдут вслед за тракторами целые поезда. Два плуга разворачивают землю, следом за ними разравнивают четыре бороны этот след, сыплет во влажные борозды сеялка семена. Девушки очень устали за ночь. Степной ветер, обветривший их лица и губы, посвистывал над вагончиком. На печурке варилась картошка. На столике лежала стопка книг. Здесь были книжки по сельскому хозяйству и книжки писателей. Я позавидовал моим современникам, книжки которых оказались в вагончике. Они были в масляных пятнах, но это было, как выслуга.

Мы взбудоражили трактористок. Спать больше никто не мог. До смены оставалось еще несколько часов, но они стали уже подниматься. Кажется, они хотели бы сейчас же выйти на работу. Надо было во что бы то ни стало выполнить долг не только ради славы и чести. Что на фронте? Не привезли ли газеток? Их девические лица были серьезны. На фронте воюют отцы и братья, а они ушли побеждать сюда, в степь. В этом был великий смысл их народного подвига.

— Сколько же народа вышло у вас на работу?— Учетчик— сухонький старичок, в серебряных очках, привязанных к ушам ниточками,— достает счеты. Он любит считать на счетах, у костяшек надежный стук достоверности. Если ловкими руками кинуть восемь, да еще восемь, да еще шестнадцать, да еще десять— получится сорок два человека.

— Сколько лошадей?

Опять удар по костяшкам, и лошади выстраиваются в столбиках его счетов. Учет, учет. На то он учетчик.

— Только я вам скажу (это вполголоса, доверительно, чтобы не возмнил о себе кто-нибудь), народ никогда еще так не работал. А некоторые женщины и мужчину поучат.

Он смахивает со счетов свои столбики, он доволен — старый учетчик.

— Сломим мы Гитлеру хребет (это уже в полный голос), — я вам говорю, — сломим. Он, конечно, понадеялся, что мы ослабеем, не засеет, а мы, между прочим, засеет. Мы, между прочим, и засеет, и снимет, и мы хребет ему сломим.

Он смотрит вверх очков, довольный, что мог поделиться этими бесспорными своими соображениями.

Они потребовали новых знаний у женщин и девушек, — все эти коленчатые валы, могучие «сталинцы», подшипники скорости, — сложное техническое хозяйство машин. Война ускорила сроки созревания. Надо было садиться за руль, изучать трактор, упрямый характер мотора. Надо было с ходу, с первых начальных познаний окунуться в жесткую практику — в боевые короткие сроки. Надо было засеять сотни гектаров, осознав свой долг перед страной и народом. Только молодость, познавшая свое назначение и конечную цель трудовых своих дел, может отдаться им с такой страстью. С пристрастием подсчитывают они к вечеру трудовые итоги. Что сделано за день, что осталось сделать еще? Как линия укреплений, которую надо взять с боя, — так лежат перед ними эти гектары земли, что надо вспахать и засеять. Они клянут в полный голос нерасторопного директора МТС, который прохлопал с горючим, и тракторы простаивают в степи, или отчитывают парнишку-подвозчика, не подвезшего во-время воду.

С посеревшим от пыли и измазанным маслом лицом, повязанная платком по-глаза, ловко разворачивает трактористка свой трактор у самой обочины, и женщины на ходу вскидывают на сеялку тяжелые мешки с зерном, и вот уже в обратную сторону ползет трактор с лихой девчонкой у руля, и из подвижных сосков сеялки сыплется в борозды семена, как обещание и клятва народа.

Есть в этой степи с белыми кучевыми облаками над ней, с сильным, утомительным ветром, с бегущими стеклянными испарениями нечто от нашей истории. Столетиями боролся народ за свою великую землю. Последнюю четверть века, как плугом, взрыхлялось народное сознание для тех трудовых героических дел, которые поражали собой человечество. И вот рождает эта распаханная земля великие народные входы. На любой подвиг, к любому испытанию оказался способным он, наш народ. Простые имена женщин и девушек, заменивших в трудный год войны мужчин на полях, вызревают в таком же изобилии, как вызревают к осени эти посеянные их руками семена.

...Нет, все-таки, отчего горит у четвертого трактора масло? Она отвинчивает еще непривычными пальцами болты, что-то продувает, куда-то заглядывает, восемнадцатилетняя, с серыми серь-

езными глазами, трактористка. Спиридон Иванович или какой-нибудь другой бригадир, конечно, объяснят, отчего горит масло. Но сейчас главное почувствовать сложную эту машину, сейчас нужно гнать от одного края поля к другому и оглядываться с гордостью на растущую черную пахоту, перед которой отступает пожираемое прошлогоднее жнивье...

День переходит в ночь. Все сливается на степи, разогретая за день земля остывает, небо вянет и очищается от облаков. Первые весенние звезды дрожат и становятся ярче. Звук работающих машин слышнее в тишине ночи. Зажигаются пузатые фонари «летающая мышь», которыми отмечают обочины. По всей широкой степи ползут тракторы, и маленькие крепкие руки, мужающие с каждым днем, уверенно ведут тяжелые большие машины. Печурка сыплет искры из вагончика, где отдыхает дневная смена. Наклонившись возле керосиновой лампочки, парнишка разрисовывает степную газету бригады № 1. Сначала он рисует модницу в беретике, потом он пишет стихи. Он сам с собой усмехается, качает головой (пришла хорошая рифма) и переписывает печатными буквами в стенную газету. В темноте ночи скрипят колеса телег — везут железные бочки с горючим. Далекие огни фар тракторов ползут по горизонту. Ночью для сева только готовится почва. С рассветом потянутся за трактором сеялки, осуществляя великое дело оплодотворения земли...

Поволжье. Май

Вл. ЛИДИН

Женщины Одного колхоза

I.

Погода разыгралась не на шутку. Ветер выл, мокрый снег слепил глаза. Но лошади не сбивались с дороги, обоз двигался к месту назначения.

Сопровождали его женщины. Две или три сидели на возах, остальные шли рядом. И, хотя все они одеты были в одинаковые шубы и закутаны в шали, нельзя было не отметить ту, что шла в середине. Она выделялась и ростом и какой-то почти мужской твердостью повадки, широкой, уверенной поступью. Щеки ее на ветру разгорелись, глаза светились удивительным спокойствием и добротой. Настоящая сибирячка, подруга воина, Прасковья Дмитриевна Таушканова отправилась взамен мужа в дальний путь.

— Она и раньше хорошо работала, — рассказывает товарищ Майоров, председатель колхоза имени Кирова, — а с тех пор, как началась война и Сергей Таушканов, ее муж, ушел на фронт, с этих пор она трудится прямо-таки героически. На скирдовании всех мужиков за пояс заткнула. Как начали хлеб государству сдавать, сна не знала, с обозом ходила. Пошлешь ли за дровами, за сеном — все выполняет безотказно. Сейчас вот зерно обменивает на кондиционное. Мешки-то эти одна ворочает! Ребенок у нее есть, девочка четырех лет, Дуся. Свекрови дома не было, а больше не на кого оставить. Так она девочку к соседям уводила — или к Аграфене, или к Ирине Кузнецовым, а на работу всегда выходила во-время.

...Сейчас Прасковью Дмитриевну поставили на решающий участок посевного фронта — правление поручило ей работу на сеялке.

— Гарантия полная: сама семена готовила, сама их и в землю положит, чтобы ни одно не пропало, а взросло, да чудо-урожай дало, — говорит председатель колхоза.

И видно, что он уверен в силе и самоотверженности этой женщины.

II.

...Разговор вышел крупный. И к тому были веские основания. Это правда, павшие поросята были хилыми, слабенькими, неспособными даже самостоятельно сосать матку. Но Александра Бессонова не могла довольствоваться такими объяснениями.

Колхоз доверил ей две фермы — молочнотоварную и свиноводческую. На первой дело идет хорошо — падежа нет ни одного случая, а вот поросят не смогли всех уберечь.

И когда Бессонова начала об этом разговор, Дарья Избышева, одна из свинок, крикнула: «Они такие, они все подохнут!».

Тут уж и не стерпела Александра:

— Уходи отсюда сейчас же, чтобы и духу твоего здесь не было!

Немедленно составила акт, поставила вопрос па заседании правления.

На ферме осталась Евдокия Вышна. Сама Бессонова тоже почти не отлучалась от поросят. И хотя стоило это многих бессонных ночей, но слабеньких поросят, обреченных Дарьей на гибель, выходила, буквально вынянчила на своих руках.

И когда на колхозном собрании стали обсуждать постановления партии и правительства о сохранении молодняка, Александра Бессонова дала обещание не допустить, чтобы на колхозных фермах убыл хоть один народившийся теленок или поросенок:

— Обещаю вам, товарищи, мое слово крепкое.

И слова свои она подкрепляет делами.

III.

Известно и это не скрывает сама Фекла Васильевна, что в семье председателя колхоза не всегда бывает спокойно. И причина этому не семейные дела, а совсем другое. Жена председателя—Фекла Васильевна Майорова заведует колхозной овцефермой. А на ней—ни много, ни мало—450 овец и почти полтысячи ягнят. Надо их накормить досыта и напоить во-время.

Признаться, председателю не раз приходилось выслушивать справедливые нарекания Феклы Васильевны по поводу качества кормов.

Был и такой случай. В самый разгар окота в колхозе не оказалось соли-лизунца. Тогда работники фермы уговорили председателя артели организовать обход всех дворов и занять эту соль у колхозников.

С тех пор, как Фекла Васильевна работает на ферме, она стала знакомиться с ветеринарией и теперь уже немало знает по этому делу: первую помощь заболевшей овце умеет оказывать сама.

Немало хлопот доставляют Фекле Васильевне молодые овцы, которые не хотят давать молока своим ягнятам. Во всем стаде набралось до двадцати таких «беспризорных» ягнят. Все они выкармливаются коровьим молоком.

— Хлопотно, конечно,—говорит Фекла Васильевна,—но на то нас и поставили. Без хлопот кусок не идет в рот... А мы стараемся, чтобы бойцов наших накормить посытнее да повкуснее, чтобы они Гитлера поскорее уробили...

IV.

— Зайдешь в конюшню—пол что в горнице.

Бригадир Чесноков хвалит работу колхозных конюхов. А конюхи в колхозе имени Кирова—сплошь женщины.

Их четверо: в первой бригаде Зоя Данилова и Антонина Лысенкова, во второй Елизавета Кирсанова и Ефросинья Данилова.

На попечении каждой из них находится больше двадцати лошадей, тогда как в мирное время мужчины ухаживали за десятью, от силы—за двенадцатью лошадьми.

И не было такого случая, чтобы лошади остались без корма или чтобы их во время не стогали на водопой.

К тому же женщины между собою распределяют и ночные дежурства, заменяя сторожей.

— Мужики вернутся, так мы еще посмотрим, ставить ли их вместо женщин,— улыбается председатель колхоза.

— А что? И не уступим—откликнется Елизавета Кирсанова.

Шестьдесят женщин в колхозе имени Кирова. И все они—от юных трактористок Клавдии Соловьевой, Евдокии Даниловой, Зои Ступиной, в короткий срок овладевших искусством управления стальными конями, до обремененной малыми ребятами Меланьи Нефедьевны Парначевой, выработавшей со своей дочкой пятьсот трудодней,—все они, не зная усталости, работают в колхозе для фронта, для победы.

В тот счастливый миг, когда по всему миру прозвучит великая слава советским воинам-богатырям, сокрушившим гитлеровскую Германию, народ наш с благодарностью вспомнит и героический труд своих дочерей, которые работают не покладая рук и все свои силы отдают на пользу родине.

В. РУСАКОВ

д. Кирсаново, Горьковский район, Омская область

В ее фамилии нет ничего героического, а во внешности героического еще меньше, поэтому дети, невзирая на ее милицмейскую форму, зовут ее тетей Мотей. Она обыкновенный человек, обыкновенная русская женщина, правда, в мужской форме, притом же она любящая жена и мать ребенка. И все же в Матрене Калиничне есть черты особенные, даже... героические.

Была августовская ночь. Необычная ночь. Уже пятьдесят ночей на улицах, в парках и на площадях Москвы не горели ожерелья ярких огней. Меж берегами высоких домов, утонувших во тьме, словно по дну глубоких рек, москвичи торопливо спешили к домам, протягивая во тьме руки, чтобы не наткнуться, и подымали головы вверх, ожидая чего-то.

Все было необычно: гудки автомобилей, лица бойцов, тревожная тишина и голос диктора:

— Граждане! Воздушная тревога!

Звуки сирен — и тонкие и низкие — все разом забирались по невидимой лестнице ввысь до самых кремлевских звезд, еще недавно пламенно-красных, а теперь потушенных. То вдруг эти звуки срывались и падали вниз, разбивались о мостовую и затем бежали по обезлюдевшим площадям в стволы длинных туннелей метро, уходили в поля подмосковных колхозов, замирали в дачных лесах...

— Граждане! Воздушная тревога!

Нет! К этому все же надо было привыкнуть...

В августовскую ночь Матрена Калинична Шептунова, женщина в мужской форме милиционера, стояла на своем посту. Это был маленький, но хорошо знакомый всем художникам мира переулок. Лаврушенский...

А вот и Третьяковская галерея: Репин и Серов, Суриков и Крамской, Левитан и Флавицкий, Николай Николаевич Ге и Иванов Александр, художник Герасимов и скульптор Антокольский; здесь были и произведения Иогансона, его «Вожди Октября», и Шишкин со своими лесами, и неповторимый маринист Айвазовский, и певец славы русского оружия Верещагин... Но всех имен не перечить!

Перед главным входом в галерею стоит исполинская статуя

вождя И. В. Сталина. А рядом со статуей — она, Матрена Калинична Шептунова, простая русская женщина в форме милиционера. Это ее пост.

В обязанности Шептуновой входило: при любых обстоятельствах — пожарах, воздушных налетах врага — во что бы то ни стало отстоять картинную галерею и ни при каких обстоятельствах не покидать поста, Пост — это фронт! Линия огня! Вот и все!

Об этом, конечно, легко говорить, легко писать, но нелегко стоять на посту ночью, одной, когда на голову «сыплются» бомбы...

— Уж точно магнитом «его» тянуло на нас, — рассказывала впоследствии Шептунова. — И зажигательные были! Сперва раза три швырнул в меня по две штуки, а затем два раза по четыре зараз!

Матрене Калиничне было тогда еще невдомек, что среди действительных военных объектов, которыми так богата Москва и которые до сих пор не открыты врагом, у фашистов значились и такие «военные» объекты, как Библиотека Ленина, Третьяковская картинная галерея, Всесоюзная книжная палата, Академический Большой театр, Московский университет, детская больница Морозова.

У разбойников и убийц всегда свои взгляды на вещи. Фашисты остались верными традиции бандитов. У них своя точка зрения на военные объекты.

...Первая попавшая в Третьяковскую галерею фугасная бомба (зажигательные бомбы не в счет!) пробила чудесную стеклянную крышу и ударилась в металлическую балку перекрытия. Крыши, конечно, не стало, ее вырвало вверх. А когда-то эта крыша давала ровный и мягкий свет на полотна великих мастеров искусства! Теперь она смешана с пылью...

Вторая фугасная бомба упала у входа, во дворе, там, где стоял милиционер тов. Шептунова. И смерть была уже рядом с ней, горячо обдала своим жарким дыханием... Но оправдались слова русской пословицы, что не так страшен чорт, как его малюют... Улеглась пыль... Художественная галерея Третьякова осталась на месте; осталась жива и Шептунова. Во время взрыва она даже не упала, не убежала с поста, не испугалась фашистских фугасок.

— Вот здесь, в этом зале, висела моя любимая картина, — рассказывала Матрена Калинична своему сменщику, милиционеру Илюхину, когда наутро, после бомбежки, сдавала ему дежурство.

Лет 15 назад, когда тов. Шептунова не была еще милиционером, а домашней работницей, как-то ей удалось с профсоюзной экскурсией первый раз в жизни попасть в Третьяковскую галерею. Из всех картин, показанных ей, больше всего произвело на нее впечатление «Неутешное горе» Крамского. В тот день, вернувшись на кухню чужого дома, она долго плакала. Может быть, оттого, что ей было жалко умершего ребенка, может быть, оттого,

что она слишком хорошо чувствовала неутешное горе матери... Картина Крамского не выходила из головы.

Это было давно. Теперь Матрене Калиничне за сорок лет. В темнорусых коротко стриженных волосах легла серебряная дорожка пережитых забот и невзгод.

— Да-да, вспомнила, — говорит она Илюхину, — фамилия этого художника—Крамской...

И она восторженно рассказывает ему о картине «Неутешное горе»:

— Ох, и лицо же у нее! Смотреть тяжело... У матери, у которой умер единственный ребенок. Губы у нее сжатые... А глаза! Сухие, сухие! Даром что плакала... Слез больше нет, а горе еще сильнее от этого. И нет на свете сил, чтобы помочь ей!

Матрена Калинична помолчала. Затем деловито закончила:

— Хорошо, что заранее уберегли эти картины... а то бы мне этой ночью не спасти их... Пожгли бы их эти варвары!

О том, что в эту ночь Матрена Калинична была на волоске от смерти, она и не думала.

Вспоминая о первых месяцах работы милиционером, Матрена Калинична говорит:

— Вот уже 12 лет охраняю производство. Оберегала заводы, охраняла деревообделочный, картонажный, в холодильниках мясо оберегала. Муж на работе, я на работе... А потом получила вот ее, мою красавицу, Третьяковскую галерею. За ней смотрю, как за родной дочкой.

Неожиданно на глазах Матрены Калиничны появились слезы, но она быстро, стыдясь, высушила их.

— Свою дочурку восьмилетнюю вспомнила. Отвезла в начале войны в деревню, да, кажись, неудачно. По ту сторону фронта теперь... И мужа нет, на фронте...

Встряхнув головой, она совсем уже бодро закончила:

— Ну, ничего! Все вытерпим! Наше дело правое!

Свою обязанность защищать Москву от нашествия людоедов XX века Матрена Калинична поняла как личное счастье. Ее любовь к Москве и к тому, что ей персонально поручено оберегать от врага, неразрывно связана с ее любовью к людям, ко всему народу, к его быту и производству.

Внешне такая обычная и неприметная, она внутренне богата мужеством, душевной простотой, ясностью мысли, глубиной чувств. Четырехлетняя служебная связь ее с картинной галлереей давно уже переросла в связь духовную, культурную. Матрена Шептунова и не заметила, как «Третьяковка» обогатила ее. Так обогащают человека школа и умное окружение друзей.

Став на пост у «Третьяковки», она прежде всего воочию увидела новых людей. Их были тысячи. Такое количество людей она видела и раньше: рабочих, крестьян, интеллигенцию. Но эти...

были и те же и не те. Они спешили, боялись опоздать, боялись что-то не заметить, пропустить...

Выходя из галлерей, многие были возбуждены до крайности, жестикулировали, говорили громко. Другие выходили с видом спокойствия и удовлетворения. Третьи были сосредоточены. Такие посетители, выходя из галлерей, ничего не видели перед собой. Они все еще жили тем, что видели в галлерее.

В свободные от дежурства часы Матрена Калинична не спешила уйти домой, а все чаще и чаще задерживалась в одной из полусотни зал картинной галлерей. Она жадно прислушивалась к тому, о чем говорят экскурсоводы. Она стала видеть в картинах то, что раньше ускользало от ее взора. И она полюбила картины, как любили их те, которые приезжали в Москву со всех концов света.

Матрена Калинична не знала иностранных художников, но своих, русских... Перова она уже знала. Знала и Врубеля, хотя и не понимала его. Любила Федотова и хорошо знала, в каком зале его картины.

Раньше она знала лишь «Ивана Грозного». Теперь она пытливо искала общих черт у Репина и... в скульптуре Антокольского. Она поспорила с экскурсоводом о «Девушке на солнце» Серова.

Ее не отпускали от себя репинские «Бурлаки». Любила она «Отказ от исповеди», «Не ждали?», «Арест пропагандиста». Фиолетовый толстый нос «Протодиакона» ее веселил. Гневный поворот головы арестованного пропагандиста напоминал ей политрука. Левитан навевал на нее девичью грусть. Думалось о просторе русских полей и лесов. От «Письма запорожцев турецкому султану» хотелось плясать или петь.

Такой мы застали Матрену Калиничну в дни войны. И она охраняет «Третьяковку», как боец охраняет знамя полка.

13 ноября был вторичный налет на Третьяковскую галлерею. И опять на посту стояла Матрена Калинична Шептунова.

— Уж такая я счастливая: как «он» бомбит «Третьяковку», — так я на посту!

Но «счастье» Шептуновой оказалось относительным. Враг был необычайно озлоблен. Он потерял много машин на подступах Москвы.

Туго опоясанный зенитными батареями город отвечал фашистам ураганным огнем. Несколько машин прорвалось к центру, и Третьяковская галлерея вновь превратилась для варваров в «военный» объект. Одно из соседних зданий приняло на себя первый удар.

— На этот раз я взяла да прилегла... Уж больно асфальт вверх летит... Невозможно на посту стоять, — как бы оправдываясь за кажущееся малодушие, рассказывала Шептунова. — Двухэтажный дом рядом со мной «он» тоже расшиб начисто...

В этом двухэтажном доме погибли семилетний мальчик и две старушки. Кровь троих невинных окропила место, от которого так близко стоит храм искусства, призывающего все народы к светлому будущему...

Матрена Калинична стояла в гисве. На руках ее был еще не остывший трупик семилетнего мальчика. Глаза горели ненавистью и губы шептали:

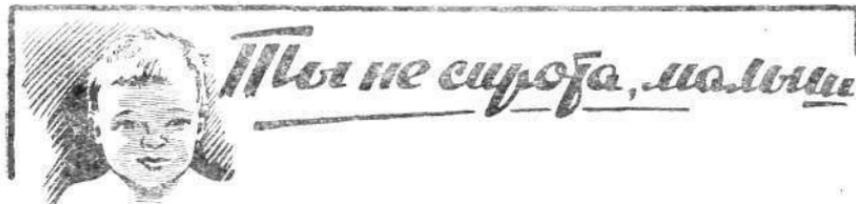
— Мы отомстим! За все! И за галерею и за этого мальчика, отомстим полной мерой!

Слезы душили ее, но она превозмогла их.

...Когда-нибудь после войны советский художник нарисует портрет женщины-милиционерки с мертвым, убитым ребенком на руках.

Возможно, что такую картину поместят в Третьяковской галерее, которую Матрена Калинична уже дважды спасала.

А. ЗОРИН

(О благородном подвиге женщины „Красного богатыря“)

В больнице лежит маленькая девочка Зоя. Глаза ее полны недетского ужаса. Руки и ноги обморожены. Трепещет, шепчет что-то и все оглядывается назад, словно за ней гонятся.

С этой девочкой случилось страшное. Ворвалась немецкая свора в Спас-Помазкино, стала жечь дома, стрелять. Мать Зои подняла ребят в чем они были и побежала прочь из деревни. Она прижимала к сердцу грудного ребенка, а трехлетнего тащила за руку. Шестилетний мальчик и дочка бежали рядом. Немцы прицелились. Убили мать. Она упала в снег, выронив ребенка. Зоя схватила грудного на руки. Шестилетний и трехлетний уцепились за ее юбочку. А ей самой-то всего десятый год!

Так и побежали втроем... Изверги прицелились еще раз. Пристрелили шестилетнего. Упал, обливаясь кровью. Во весь дух мчалась девочка с младенцем. За ней, громко плача, спотыкаясь.

падая в снег и снова поднимаясь, семенил трехлетний малыш. Фашистская пуля скосила и трехлетнего. Раскинул ручонки, забился на снегу. Девочка все бежала, бежала вперед, не помня себя от страха. Грудной ребенок замерз и перестал дышать. Прижимая к себе трупик младенца, девочка мчалась вперед. Ветер сорвал платок с ее головы, снегом замело светлую головку.

Товарищи, это непереносимо страшно... Но сколько осталось вот таких ребят, как Зоя! Без отца, без матери, без родного крова. Круглые сироты. Будь ты трижды твердый, умеющий владеть собой человек,—зарыдаешь навзрыд, глядя на такую вот девочку, которая зовет в бреду: «Мама! Мама!», и все передвигает забинтованными ножками,—все бежит, бежит... Невольно представляешь себе своего ребенка—сына, дочку на месте этой Зои, и сердце холодеет.

Вот так похолодело сердце московской галошницы Елены Семеновны Овчинниковой. Выпрямилась во весь рост, побледнела, протянула вперед руки.

— Товарищи! Прошу слова... Товарищи, прошу слова, как мать...

Это было в цехе № 3 на московском заводе «Красный богатырь». Шел в обеденный перерыв митинг. Говорили о фашистских зверствах. Говорили о сиротах. Думали сообща, как помочь людям, пострадавшим от немцев.

— Женщины, матери, все это так, все это хорошо,—говорила Овчинникова,—сундуки пересмотрим, найдутся и рубашонки, и платья. Принесем. Но детей-то, детей жалко, ведь они сироты! Отцы их за нас кровь проливали. Матери, не могу я молчать, возьму ребеночка такого к себе, приласкаю, выращу... Четыре дочки у меня, вы знаете. Возьму себе пятую. Проживем!

Работницы плакали.

— Товарищи,—поднялась еще одна мать,—и я возьму дитенка, у которого фашистские гады мать загубили. А если отец на фронте... Ну, что ж, выхожу, сберегу—вернется из армии, скажу: вот сынок твой, ты за меня воевал, а я тебе мальчонку сберегла.

Работницы Овчинникова, Трутнева, Шарова, Цибульская, Садридинова, Идельчук стали горячо хлопотать, чтобы им государство доверило усыновить и удочерить сирот. Потолковали с ними, обследовали их бытовые условия, здоровье и разрешили.

Женщины поехали за ребяташками. День этот никогда не забудется. Дети постарше сгрудились вокруг женщин, смотрели на них исподлобья—большими, печальными глазами, в которых застыло горе. Эти все понимали. У многих из них немцы убили матерей на глазах. Малыши, двухлетние, трехлетние крошки, бросились к женщинам, стали ласкаться, как к родным матерям. Иные, совсем несмышлениши, протягивали ручонки и лепетали: «Мама! Мама!».

Работницы глотали слезы. Все произошло быстро и как-то само собой. Голубоглазая трехлетка Вера доверчиво потянулась к Софье Афанасьевне Шаровой.

— На ручки,—сказала она. Шарова подняла девочку, прижала к груди.

— Доченька,—сказала она, волнуясь,—пойдем домой. Доченька моя!

Вера обхватила ручонками шею Софьи Афанасьевны. И, не отрывая мокрого от слез лица от горячих щек ребенка, пожилая женщина объявила всем:

— Моя...

Трутнева взяла семилетнюю Светлану, Цибульская—восьмилетнюю Дусю, Идельчук—трехлетнюю Галку, Овчинникова—Надю, у которой немцы убили отца и мать...

Замешкались около Садридиновой. Татарка Садридинова сидела возле кровати мальчика, который очень ослаб и поэтому не мог ходить. Садридинова гладила его волосенки, а сама тем временем присматривалась к детям, кого взять. У нее двое своих дочерей.

Пора было решать. Садридинова поднялась.

— Ма-ама!—затрепетал вдруг болезненный мальчик, которого она приласкала,—мама, не уходи. Куда ты?—Он схватил ее руку, прижал к лицу. Прекрасные синие глаза ребенка были полны слез.

— Садридинова,—шептали ей работницы,—он хилый, больной... Подумай, не тяжело ли тебе будет?

— Жалко мне. Беру больного!—решительно трянула головой Садридинова.—Вылечу, выхожу, человек будет.

Незабываемые минуты пережили работницы «Красного богатыря», увозя ребятшек. Другие малыши цеплялись за их руки, обнимали их колени.

— С тобой...—лепетали они.

Кто-то из ребят постарше подошел и тихо, стыдливо сказал:

— Возьми меня... У меня мамку и папку германцы в землю закопали. Я—один...

— Мы укутали своих ребят,—со слезами вспоминают матери,—и скорей ушли. Но до сих пор у нас в ушах этот детский плач: «Возьми меня...».

«Красный богатырь» приготовил сердечную встречу детям, которые нашли семью. В просторной квартире работницы Матрены Ивановны Ивановой был приготовлен горячий чай, ужин. Детям подарили игрушки, мандарины, ласкали их. И ни о чем не спрашивали... Потом матери повели ребят к себе. Дети Овчинниковой встретили крошечную колхозницу Надюшку, как родную сестру. Старшие девочки уже нагрели воду, чтобы ее выкупать. Младшие выложили все свои игрушки...

Недавно мы были на квартире у Шаровой. Верочка—чистенькая, свежая, в теплой красной кофточке, во всем домашнем, уютном—отдыхала после обеда на диване. Возле нее сидели совершенно счастливые Софья Афанасьевна и Иван Ильич. Верочка тоненьким голоском пела.

— В первый раз! В первый раз запела... — радостно объявила Софья Афанасьевна...

Первые дни ребенок был тих и неподвижен. Ей подарили куклу—она на нее не смотрела. Ей подарили цветного гнома, она сказала: «немец» и затряслась. Стали говорить о валеночках, которые надо ей купить. Она прошептала:

— Валенки в песке закопаны, а то немцы возьмут!

Светлану мы застали с бабушкой. Татьяна Васильевна Трутнева была на работе. Светлана и бабушка сидели у печки. Светлане—восьмой год. Задумчивое личико, все еще грустные и растерянные глаза. Сидит, как зайчонок. Она из Солнечногорска. Много видела ужасов. Иногда возьмет в руки куклу, одернет платьице на ней и снова задумается. Зажужжал самолет. Светлана затрепетала, с'ежилась.

— Германы! Бабушка, германы...

— Нет их, милая, нет, внученька, это наши летают,—воркующим голосом успокаивает бабушка,—да что ж ты дрожишь-то так, лапушка? Не озябла ли ты? Дай-ка я тебя укрою.

У Светланы снова теплеют глаза, улыбаются губы. Хорошо это, чудесно это—ребенок нашел семью, ласку.

Смотрю на Светлану и думаю о всех ребятах, потерявших в эти месяцы войны с бешеной фашистско-немецкой сворой отцов и матерей...

Нет, не сироты вы, родные! Советский народ отомстит гадам за гибель ваших отцов и матерей. Советский народ не оставит тебя, малыш, у которого проклятые немцы украли мать, родной дом, радость, все... Одни из вас будут жить в детских домах, других возьмут колхозы на патронирование, третьих удочерят, усыновят, приглубят советские матери. Но где бы вы ни жили, вы будете под теплым крылом родины.

Не дадим тебя в обиду, малыш! Уйдет страх из твоих глаз, высохнут слезы, будешь здороветь, крепнуть, вырастет из тебя светлый советский человек.

Честь и слава работницам «Красного богатыря»! Большое сердце у советской женщины.

Елена КОНОНЕНКО

Ребенок

В Сокольниках есть детская больница.
Из русских сел, растерзанных врагом,
Ребят угрюмых привезли в столицу,
В укрытый елями старинный дом.
Стоит он, странной тишиной об'ятый.
В большие окна ровный свет летит.
Прошла я осторожно в даль палаты,
Где девочка лежала лет пяти.
С нее сорвали немцы полушалок,
Когда на стужу выгнали семью,
На жалобный комочек мать дышала,
Пытаясь дочку отогреть свою.
А на дворе метель по-волчьи выла,
На детских щечках стыли капли льда,
И не забыло худенькое тело,
Что было очень холодно тогда.
Но девочке понравилась больница,
Спокойные в халатах белых дни.
Смежаются усталые ресницы,
Плывут, мерцают, кружатся огни.
И думает ребенок, засыпая,
Что небо распахнется широко,
Что вырастет в саду трава густая,
Что босиком бежать по ней легко.
Так весело промчался ветер зыбкий,
И яркий куст так радостно запах,
Что слабое подобие улыбки
Мелькнуло на измученных губах.
Потом она вдруг вспомнила о маме,
И вся рванулась, точно ветерок.
И вижу я, что стянуты бинтами
Два маленьких обрубка вместо ног.

Пусть не слеза — пусть гнев горячий брызнет,
Пусть сердце запылает, как в бою,
Пред этой искалеченною жизнью,
Зовущей мстить за родину мою.

Е. ШЕВЕЛЕВА

Этот подмосковный детский сад не похож на обычный. Входишь в переднюю — тихо, нет веселой возни, радостной атмосферы детского сада. В большой теплой комнате тоже тишина. Ребята сидят молча. Эти дети — круглые сироты, их родители убиты немцами. У семилетней Наташи в руках вышиванье, но она забыла о нем, глубоко задумалась. Черноглазая малышка Соня тесно прильнула, прижалась к няне. В глазах девочки испуг и недетская тоска. Пятилетний Коля не отходит от окна, он то и дело приподнимает край занавески и смотрит в сад, настороженно и взволнованно:

— Это свой? — спрашивает Коля про каждого прохожего.

— Немцев боится, — объясняет мне няня. Она отводит мальчика от окна, отвлекает его, уговаривает, но он через несколько минут снова возвращается, опять осторожно приподнимает занавеску и все так же тревожно спрашивает:

— Кто там? Это свой?

Наверно, так они стояли с матерью у окна своей избы, испуганные, ожидавшие смерти. Колю подобрала красноармейцы в деревне Нефедово. Полузамерзший, завернутый в тонкое одеяло, в изорванной рубашонке, он лежал на снегу. Его мать погибла во время пожара. Отступая, немцы ночью подожгли деревню, от нее ничего не осталось.

— Вы поиграли бы, — уговаривает ребят руководительница и приносит им кубики. Мальчики начинают сосредоточенно строить домики на полу. В играх детей всегда отражается жизнь взрослых. В каждой стране ребята играют по-своему. Игры советских детей всегда были веселыми, благородными. Дети играли в «Папанина», в «Напаева». Я прислушиваюсь к разговору ребят.

— Ну, уже построил дом, готово! — говорит забавный светлоглазый малыш. — Теперь уже немцы пришли, прячься скорей в яму! Сейчас будут дом зажигать!

— Одного дома мало! — авторитетно заявляет другой мальчуган. — Они сразу много домов жгут.

Сколько же пришлось пережить этим малышам, если такими страшными стали их игры!

— Ты сиди на корточках в яме, — продолжает командовать малыш, — нельзя приподниматься! Не высовывайся за картошкой, а то сейчас руку отстрелят!

Малыш вместе со своей матерью два дня сидел в яме, в щели, куда загнали немцы жителей деревни. Одной из женщин удалось взять с собой корзинку с печеной картошкой. Корзинка осталась лежать около ямы. Когда кто-нибудь из ребят пытался достать картошку, часовой стрелял по протянутой детской руке. По играм детей, по скупым отдельным фразам возникают ужасные картины немецких зверств.

Ребята постарше стараются мужественно перенести тяжелое горе, обрушившееся на них. Их глаза затуманены, но они стараются не плакать, они стесняются своих слез. Когда семилетняя Наташа плачет, она упрямо твердит, что это из-за иголки.

— Иголка тупая, тупая иголка, вышивать нельзя, — повторяет девочка, всхлипывая, — я из-за иголки плачу, а не по маме.

Советские дети! Маленькие, они уже стремятся быть мужественными!

Они у нас скоро повеселеют, успокоятся, — говорит руководительница, глядя на своих маленьких питомцев. Удивительно нежно эта самоотверженная женщина относится к пострадавшим ребятам. Она во-время пошутит с ребенком, подбодрит его взглядом, словом, перед сном по-матерински поцелует. И дети отогреваются после душевного холода, жестокости и злобы, окружавших их в фашистском плену. Ребята, которые прожили здесь уже около месяца, пришли в себя, начали охотно разговаривать, смеяться. Просыпаясь утром, они смотрят так светло, как умеют смотреть только счастливые дети.

Несколько лет назад, в местечке Карабанчель, в Испании, ко мне подошла молодая женщина, она что-то горячо говорила, плача и волнуясь, что ее не поймут. У нее в руках была фотография ребенка. Женщина рукой закрывала на фотографии его голову, — она хотела объяснить, что голову мальчика оторвало фашистским снарядом. Этой молодой женщине надо было во что бы то ни стало поделиться своим горем, у нее не было сил молчать. Через несколько дней я снова увидела ее. Обливаясь слезами, она все так же судорожно рассказывала о своем убитом ребенке какому-то другому человеку.

— Я осталась одна, одна, — повторяла женщина, и прекрасные глаза ее горели слезами. Потом она сжала руку в кулак и громко, испуганно крикнула: — Проклятье фашистам, вечное проклятье матерей!

Русские женщины, матери, потерявшие детей, переживают свое горе сурово, сдержанно. Недавно на одном из московских оборонных заводов молодая работница-токарь почти вдвое увеличила количество обрабатываемых деталей. Товарищи поздравляли ее, ее работа была отмечена в приказе. Только через несколько дней

после этого она рассказала товарищам, что месяц назад у нее погибла единственная дочка, девочка пяти лет. Девочка умерла от ожогов в захваченной немцами деревне.

В сердцах советских женщин горит клятва мести, но они находят в себе силы во имя родины молча продолжать свое дело. Проглотив слезы, они еще самоотверженнее трудятся, призывая себя к выдержке, к твердости, к мужеству.

А. БАРТО

Зоя к жизни

Из окна госпиталя виден широкий Дон. Он лежит под льдом, спокойный и величавый, в опущенных снегом берегах. За Доном займище, а за ним бугры, балки, курган и у самого горизонта небольшой хуторок, окутанный дымкой морозного вечера. Но ни зимние красоты донской степи, ни ласковый уход не радуют раненого сержанта Новикова. Он лежит в светлой и теплой палате, безучастный к окружающему.

— Не могу жить. Какая от меня польза, от однорукого?—сказал Новиков старому доктору, сорвав повязку.

Раненый молча отворачивался к стене, отталкивал лекарства, пищу. «Чего они хлопочут?—невесело думал раненый.—Виноват, и казнию сам. Не уберегся. Хотя бы от пули, а то...»

...И вновь перед глазами Новикова маячит завьюженная степная дорога. Ветер рвет и крутит снег. По степи, сбоку занесенной дороги движется колонна автомашин. Они везут снаряды для фронта. Комиссар, провожая Новикова, сказал:

— Смотри, товарищ сержант. Части пошли в наступление, снаряды должны быть на передовой позиции в 24 часа.

Новиков отправился с колонной автомашин. Мощные зысы пробивали снежную дорогу. Они на ходу брали бугры, опасно уходили от гребня доверху засыпанной снегом балки и безостановочно двигались вперед. У кургана Острого на ведущей машине запарил радиатор.

— Подморозило немного, товарищ сержант, — надо остановиться на полчаса, отогреть радиатор, — доложил водитель сидевшему рядом Новикову.

— Нельзя терять полчаса, — отвечал сержант.

— Машина остановится, — сказал шофер.

Новиков принял решение. Он сел на передний бугор автомашины, прислонился спиной к радиатору. Новиков задерживал тепло своим телом, и радиатор перестал парить. Мерзнут руки. Встречный ветер обжигает лицо. Но потерпеть осталось немного. Вот за балкой огневая позиция. Сержант стискивает зубы, терпит. Снаряды подоспели во-время, но Новиков отморозил кисть руки. Она почернела и загнила. «Глупо!»—еле слышно шепчут его губы. Новиков ворочается на постели.

— Неправда!—раздается тихий протест и над ним склоняется пожилая женщина с небольшими серыми глазами. У висков пучки морщинок. Прядь седых волос выделяется на голове. Женщина поправляет подушку, подвигает стул, садится рядом с раненым. «Новая сестра, что ли»,—думает Новиков. «Но не отворачивается. Эта пожилая женщина каждый вечер приходит к нему. Она во-время заметит, когда Новиков потянется за папиросами, и ловко подаст папиросы, подаст так, что раненый не чувствует отсутствия второй руки. А то возьмет книгу и певуче, вполголоса читает. Новиков закрывает глаза и засыпает. Странное дело: присутствие этой женщины не раздражало раненого.

Однажды она запоздала, и Новиков стал волноваться:

— Где новая сестра?..

А когда пришла Варвара Семеновна, он впервые после ранения разговорился. Новиков поведал Варваре Семеновне о своей тоске. Он поведал о любви к девушке, о том, что теперь все кончено, и он на глаза девушке не покажется. Новиков сетовал на то, что пользы от однорукого никакой нет ни государству, ни людям.

Внимательно слушала Варвара Семеновна Новикова. Поинтересовалась, кто его любимая и где она живет.

— А насчет пользы для народа это неправда. Расскажу я вам одну станичную быль.—Варвара Семеновна подошла к окну, поправила маскировочный занавес, отодвинула лампу на угол стола, села и задумалась:

— Было это в нашей станице. У одной казачки офицерье повесило мужа на площади. Казак был смелый, правдивый,—начала рассказ Варвара Семеновна.—Поперек дороги он стал богатеям. Они и расправились. Тогда жена своего 15-летнего сына снарядила под Царицын к Сталину. А Сталин бился в те времена с лютым врагом, свободу народу отвоевывал.

Казачка оседлала отцовского коня, дала сыну винтовку и сказала:

— Скачи до Сталина и бейся до последних сил, стой за правое дело, мсти за отца.

Больно было ей, а послала. Иначе как быть? Сын выполнил материнский наказ. Воевал. Вернулся в станицу живым, но одноруким.

Варвара Семеновна положила руку на разгоряченный лоб раненого и продолжала:

— Трудно казаку с одной рукой начинать хозяйствовать. У

Петра тоже сомнения были: куда, мол, подаваться однорукому. Какая от меня польза? А вышло иначе. За народ и без руки постоять можно. Строит станица колхоз, а кулаки разваливают. Петр стал вышибать кулачье, людей организовал. Его председателем избрали. Не понравилось это лиходеям. Ночью 1933 года исчез Петр Скобрецов. Всем колхозом искали председателя. Нашли в проруби. Кулаки опустили Петра туда и он замерз в лед. Сквозь лед видно было лицо, глаза и крепко стиснутые губы. Не просил Петр у врагов пощады, бился до последнего.

Варвара Семеновна прошла по комнате, поправила уголь в печке.

— Пойми, дорогой товарищ, кулаки убили председателя, ду-мали, колхоз порушится, а он после этого крепче стал. Народ увидел правду. Смерть Петра родила жизнь колхозу. С большевистским сердцем человек народу всегда пользу принесет.

— Варвара Семеновна, вас колхозный председатель кличет, спрашивает, отправлены ли семена на анализ, али нет?

В дверях стояла дежурная сестра Люся.

— Семена?—переспросила в раздумье Варвара Семеновна.—Да, да, я сейчас сама...—И, укрыв одеялом грудь раненого, она тихо вышла из комнаты.

— Почему сестра семенами занимается?—удивленно спросил Новиков.

— Варвара Семеновна не сестра, а колхозница, местная общественница. Дежурит у раненых, сама звеньевая в колхозе. Управится с делами, уложит ребятишек спать,—двух на воспитание взяла,—и сюда бежит. Знатный человек.—И, нагнувшись к уху Новикова, Люся прошептала:

— Это она вам про свою жизнь рассказывала. И сын-то ее погибший. Все они такие, казаки Скобрецовы, смелые, упористые.

В этот вечер Новиков тоже долго не спал. Его волновали думы о жизни, о борьбе за жизнь.

Ростов на Дону

П. НИКИТИН,
соб. корр. «Известий»

Голос матери

На лоб спадают чуть седеющие пряди,
И резче стали в эти дни морщины,
Но сколько ласки в материнском взгляде,
Когда ты тихо говоришь о сыне.
Недолги были сборы фронтовые.
В повестке, все как в сводке, лаконично.
Но в этот час глаза его живые
Лучились и смеялись необычно.
Пришли друзья, и матери казалось,
Что это не разлука, не прощанье,
Не потому ль, что девушка сказала
С улыбкой сыну нежно: «До свиданья!»
Всегда с родными тяжела разлука —
И ты слезу украдкой смахнула,
Прижала к сердцу голову; на руки,
На руки сына с гордостью взглянула.
Они у сына будто золотые —
Недаром был он первым на заводе,
И жар труда геройский не остынет
В боях с врагами, в маршевом походе,
Война идет, сурова и жестока,
Над мирным домом пламя полыхает.
Бывают письма, чьи простые строки
Сильнее солнца сердце согревают.
И вот сейчас ты над письмом склонилась,
Как никогда взволнованно и строго,
А губы шепчут тихо: «Это было —
Бои, походы и пути-дороги...
Сын мой, ты голос сердца слышишь?
Ты должен слышать: это я, родная...
Ты, как отец когда-то, редко пишешь,
Но мы тебя всечасно вспоминаем,
Еще не знали мы такого года,

Так пусть врагу он годом смерти будет,
За все, что вынесли сыны народа,
Что матери вовеки не забудут!
Пережитое нам еще дороже,
Когда по праву жизни, по наследству
Вы на отцов, родимые, похожи
Не только обликом, — всей кровью сердца.
И что быть может радостней на свете
Для нас, познавших горе и морщины,
Чем сыновья-гвардейцы, наши дети,
В боях с врагами не юнцы — мужчины?!
Когда грохочут пушки и снаряды,
К земле седые сосны пригибают,
Уничтожай фашистов без пощады,
Как сорную траву испепеляют.
Сын мой, ты голос материнский слышишь?
Ты должен слышать: это я, родная...
Не я одна — тебе отчизна пишет,
На подвиги, на бой благословляя!
Летят на фронт далекий, будто птицы,
Святой любовью матерей согреты,
Простые письма. В них сердце частица,
Тепло неугасимого привета!

Александр ВОЗНЯК

**Выступление по радио
учительницы Л. М. Космодемьянской,
матери героя Советского Союза Зои Космодемьянской**

ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ!

Я хочу вам, сверстникам, друзьям, подругам моей Зои, сказать несколько слов. Я хочу попросить вас, родные, от всего материнского сердца: отомстите подлому фашистскому зверю, отомстите немецким палачам за смерть моей дочки!

Товарищи! Говорить о Зое мне невыносимо тяжело. Вы сами это понимаете. Ведь я потеряла самого близкого, дорогого мне человека, я выходила, вырастила ее... Пусть ни одного из вас, когда он в будущем станет матерью или отцом, не постигнет такое страшное горе.

Но все-таки я должна сказать о Зое. Я должна сказать вам всем, всей нашей молодежи: я горжусь своей дочерью! И Зое моей — вот тут, перед вами, хочется мне сказать, хоть она и не услышит меня: горжусь тобой, моя девочка!

Товарищи! У Зои была светлая голова и горячее, чистое, мужественное сердце. У нее было сердце борца, товарищи! Мы с Зоей жили душа в душу. Мы были не только мать и дочь, а друзья. Делились своими горестями и радостями. Я знала, как Зоя относится к жизни, к родине, к комсомолу. Тепло и спокойно мне было с моей девочкой. Чуть пригорюнишься, она подойдет, заглянет в лицо, встряхнет:

— Мама, ты что? Брось, мама! Все это пройдет.

Удивительно бодрый и цельный была она человек. Я старше ее, опытнее, а она помогала мне переносить мужественно неудачи или трудности...

Товарищи! Зоя мне сказала, что уезжает на фронт. «Мама, — сказала мне Зоя, — я уйду на фронт к партизанам. Тебе я могу об этом сказать. Ты пойми, мама, у меня нет сил стоять в стороне, когда фашисты лезут на Москву...».

Я должна признаться: у меня на глаза набегали слезы. Все это было так неожиданно для меня. И мне как-то трудно было сразу представить себе, что единственная дочка моя, молоденькая такая, уходит на войну...

Зоя заметила мое волнение и сказала, вот точно ее слова: «Ты что плачешь, мама? Не ты ли мне говорила, что я должна быть смелой и честной?! Мама, я горжусь тем, что буду бороться с фашистами, и ты гордись, что я уйду на фронт. Со слезами меня провожать не надо».

И я проглотила слезы. Я взглянула на дочку, и мне даже со-

вестно стало перед ней—такая она была радостная, приподнятая, праздничная... В этот вечер мы с Зоей особенно хорошо поговорили...

Зоя разрешила мне проводить ее до трамвайной остановки. Шла она с маленьким походным мешком. Сама я и мешок этот ей купила...

У трамвайной остановки мы попрощались. Зоя сказала мне— вот как сейчас я слышу ее гордый и радостный голос:

— Приду героем или умру героем, ты, мама, не унывай. — И улыбнулась. Больше я ее так и не увидела.

Товарищи! Сердце мое тяжело ранено, и время не залечит эту рану. Но я горжусь, что дочка моя смело пошла на великое дело и осталась сильной, честной, гордой до последнего своего дыхания. Зоя встретила смерть, как настоящий человек, борец, коммунист.

Товарищи! Меня радует одно: Зою никогда не забудут. В моем материнском сердце она будет жить, пока сердце бьется. Но она будет жить в ваших сердцах и тогда, когда меня не будет. Ее вспомнят добрым словом и ваши дети... Я ехала в трамвае в тот день, когда была напечатана в «Правде» статья «Таня». Газету я не читала, но слышу, все говорят: «Таня, Таня» — и рассказывают о подвиге девушки, об исключительной силе воли. Мне тогда и в голову не пришло, что Таня — это и есть родная моя Зоя... Только я разволновалась, вспомнила Зою: как там она на фронте? И подумала: если придется ей, девочке моей, встретиться лицом к лицу с опасностью, хоть бы она была так же сильна, как эта чудесная Таня.

А потом оказалось, что Таня — это и есть моя Зоя...

Товарищи! Пусть будут прокляты эти фашистско-немецкие кровососы, душегубы! Пусть их матерям, их дочерям приснится страшная казнь моей Зои. Кровавые палачи получают по заслугам! Я знаю это. Фашизм будет истреблен раз и навсегда. Я знаю это, товарищи! Но я прошу вас, как мать, потерявшая любимое дитя: отомстите скорее и за мою Зою!

Отомсти, молодежь, немецким зверям, которые мучили, терзали мою дочку!

Я прошу вас об этом. И я повторяю вслед за незабвенной своей Зоей:

— Будьте смелее! Боритесь, бейте немцев! Смерть фашистским палачам! Смерть им!

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Стр.

Величие духа советской женщины	3
К женщинам всего мира	5

Г е р о и н и ф р о н т а

М. Мержанов. Воля	11
Истребитель танков	14
Евгений Долматовский. Песня о Любе Земской	16
Я. Милецкий. Прыжок радистки	17
Л. Озеров. Девушка с винтовкой	20
В. Инбер. Стихи	23
О. Курганов. Мать	24
Е. Габрилович. Партизанки	29
П. Лидов. Кто была Таня	32
Верная дочь Советского народа Лиза Чайкина	36
А. Безыменский. Одно слово	38
Е. Юнга. Дорога в бессмертие	40
Алексей Сурков. Девушки нашей страны	44
С. Константинов. Валя Тимофеева	45
Я. Макаренко. Девушка в шинели	47
Вера Соловьева. Военврач Бурцева	50
Виктор Гусев. Сестра	52

Г е р о и н и т р у д а

С. Виноградова, Л. Бородкин. Дочь Ленинграда	57
З. Александрова. Боевые подруги	59
К. Голицынский. Фронтная бригада	60
А. Черток. Месть Зои Ганной	63
Е. Шевелева. Девушки	64
Е. Чернышева. Мать троих бойцов	66
Вл. Лидин. Земля	69
В. Русаков. Женщины одного колхоза	73
А. Зорин. Пост в Лаврушенском переулке	76
Елена Кононенко. Ты не сирота, малыши!	80
Е. Шевелева. Ребенок	84
А. Барто. Матери проклинают	85
П. Никитин. Воля к жизни	87
Александр Возняк. Голос матери	90
Выступление по радио учительницы Л. Т. Космодемьянской, матери Героя Советского Союза Зои Космодемьянской	92

